

НАДЕЖДА
МАМАЕВА

РАЗДРАЗНИТЬ
ДРАКОНА

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ МЭРИ СЬЮ

Надежда Николаевна Мамаева
Раздразнить дракона.
Интервью для Мэри Сью
Серия «Парящие твердыни», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69315454

Аннотация

Если судьба занесла тебя в мир, где в небе, среди облаков, парят твердыни, где кнессы делят между собой власть, где правду отстаивают на божьем суде с помощью меча, а ты ни костер развести не умеешь, ни из лука стрелять – не беда.

Беда, если ты умудрилась при этом дать клятву, которая грозит смертью... Теперь только и остается, что выполнить зарок.

Встретила дракона, что ненавидит людей, – беги! А от него или вместе с ним – по ходу разберешься. Главное – выжить! И это бы даже легко удалось, если бы за тем артефактом, что ты получила вместе с шансом на новую жизнь, не охотилась тьма людей и нелюдей...

Что может быть более непредсказуемым и запутанным, чем эта гонка на выживание? Разве что твои отношения с одним драконом...

Содержание

Пролог	4
Глава 1, она же первый вопрос:	8
Глава 2, она же вопрос второй:	48
Глава 3, она же вопрос третий:	81
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Надежда Мамаева

Раздразнить дракона.

Интервью для Мэри Сью

Пролог

– Предатель! – в сердцах воскликнула я, глядя, как на моем надежном товарище и верном соратнике вспыхнул красный индикатор.

Старенький диктофон будто извинялся и предупреждал: прости, подруга, но еще несколько часов работы, и я разряжусь уже навсегда.

Умом я понимала, что рано или поздно этот день настанет, но в душе жила неистребимая вера, что «когда-то» – еще далеко и уж точно – не сегодня. Но вот и она сдохла вместе с аккумулятором.

Захотелось расплакаться от отчаяния.

Я была неразлучна с диктофоном с тех самых пор, как попала сюда. Он выручал меня, бережно храня в своей цифровой памяти малейшие оттенки смыслов, интонаций, витиеватых сплетений велеречивых рассуждений и четких отрывистых реплик, что больше всего напоминали приказы. Мой диктофон. Подарок самой себе на двадцатилетие. Он был

той связующей нитью, тем канатом, на котором держалась моя вера в то, что я вернусь.

Вновь окунусь в круговерть если не совсем счастливой, то хотя бы понятной жизни с повышенной стипендией, стажировкой, навязчивым однокурсником Сашкой, задавшим целью перенести наши строго вертикальные (хотя я вообще мечтала о параллельных) отношения в горизонтальную плоскость...

Все это, еще недавно такое привычное и уютное своей повседневностью, оказалось в прошлом. Сейчас меня окружала суровая реальность мира, где не ведают, что такое Интернет. Зато о троллях наслышаны. И даже знают верное средство от них. Тяжелое, как веское слово, и острое, как политическая шутка, но весьма материальное. Называется – двуручный меч.

Один такой «прибор для борьбы с троллями» лежал сейчас неподалеку. В комплекте к нему должен был прилагаться рыцарь. Но это у приличных людей набор соответствует инструкции. У таких же рыжих, как я, недостающие детали вечно приходится заменять ее величеством Импровизацией. Так и в этот раз.

Меч, одна штука, был. Сдохший тролль, тоже в количестве одной единицы, наличествовал. А воином в нержавейке от местного «Армани», увы и ах, даже не пахло.

Впрочем, и без помощи рыцаря из меча и здоровенного горного уродца вышла презанятная композиция, разме-

стившаяся посреди лесной поляны. Единственным зрителем оной была я, сидевшая под разлапистой елкой. Но мне не было дела до раскинувшегося звездой тролля, пронзенного мечом и ныне на полставки изображавшего шашлык.

Я скорбела по своему диктофону. Ему я порой решалась выговориться без утайки, он выручал меня, когда память могла подвести. В этом мире, где в небесах царствуют драконы, а под землей роют шахты гномы, старенький диктофон, собранный трудолюбивыми руками жителей Поднебесной, был моим талисманом, амулетом, который оберегал веру в то, что я сумею вернуться домой.

Слезы все же побежали по щекам. Злые, горькие, отчаянные, беззвучные. Решительно стерла их рукавом. Глянула на горного истукана: здоровенный, зараза. Но справилась же я с ним. Значит, и с остальным тоже справлюсь! Сумею, смогу – во что бы то ни стало. Я же будущая журналистка.

Взгляд упал на экран. До полной разрядки еще есть пара часов записи. Отложить? Растянуть агонию или...

В памяти верного друга было множество звуковых файлов. Голоса, записанные тайно и в открытую, мысли и рассуждения... Но все – чужие.

Нажала на кнопку записи. Пусть хотя бы последняя будет обо мне.

Время шло. Начать говорить о себе оказалось на удивление тяжело.

На поляне стояла тишина, а я все не могла произнести ни

звуча. Наконец, чтобы облечь слова в форму, решила взять интервью. Сама у себя. Мысль еще не успела до конца оформиться, а журналистский рефлекс уже сработал, и прозвучал стандартный вопрос, с которого начинается большинство интервью.

Глава 1, она же первый вопрос: – Расскажите немного о себе

Сразу стало как-то легче и проще. Даже тролль – и тот казался более привычным, что ли. Словно я влезла в любимые разношенные домашние тапочки. Слова нашлись сами. Много.

Тот день был обычным, ничем не примечательным среди остальных побратимов календаря. Одиннадцатое апреля. Сугробы только-только стояли, и из-под юбок начали пробиваться первые коленки. Хотя ветер все еще норовил укусить холодом, а воздух сквозил промозглостью.

В общем, весна. Очаровательное время для влюбленности и насморка. И если первого в моем арсенале не наблюдалось, то второго было – с лихвой. Я хлюпала носом, мои кроссовки – щедрым подношением, впитанным в одной из луж.

Как ни торопилась, на планерку все же опоздала. Стянула вязаную шапочку, пятерней пригладила растрепавшиеся волосы и пристроила свою выдавшую виды куртку на вешалку. Моя одежда удостоилась соседства с шикарным кожаным плащиком Лики Южной (по паспорту – Марии Головкиной, но, как говорится, в статьях о гламуре все должно быть прекрасно, и имя автора – в том числе). Я лишь хмыкнула. Ну да, мне, Сашке Конокпаевой, стажерке, едва сводящей кон-

цы с концами, до Лики-Марии, а по совместительству и пассивности главреда, как сумоисту до габаритов балерины. Разве что наша одежда может висеть рядом. В остальном...

Как оказалось чуть позже, связывать нас с Южной может не только вешалка. Едва я просочилась в кабинет начальства и приготовилась мимикрировать под цвет стен, как наш главред (за глаза величаемый почетным главгадом) оскалился приветственной улыбочкой:

– А-а-а, вот и наша звезда госпожа Конокпаева пожаловалась! Милочка, вы отнюдь не прехорошенькая женщина, и уж точно не отличная мысль, чтобы приходить с опозданием! Но тем не менее...

Я уставилась в пол, памятуя, что пять минут позора – это не только плата за опоздание (чтоб тому водителю, что подрезал маршрутку, в которой я так торопилась на работу, весь год из покрышек гвозди вынимать!), но и возможность получить в этом месяце полную зарплату. Увы, три месяца стажировки и оплачивались соответственно. То есть почти никак. Оттого я для себя решила: если издевки начальства я еще могу перетерпеть, то голодный желудок и визгливую хозяйку квартиры, у которой я снимаю комнатку, – нет.

Поэтому я терпеливо молчала, пока главгад Игорь Сергеевич, выпятив свою изрядную пивную мозоль, изгалялся в остроумии.

Нет, можно было развернуться и уйти, тем более что журнальчик «Сплетни live» не чета «Форбсу», но и я Пулитце-

ровской премии в анамнезе не имела, а лишь мечтала о ней. К тому же, пусть официально и числилась студенткой пятого курса журфака, но по факту... Занятия у нас почти закончились еще в январе. На повестке дня стояло написание диплома.

В то время когда мои одноклассники наслаждались последними месяцами безмятежной студенческой жизни, я решила приступить к активным поискам постоянной работы. Нашла. На свою голову. Сначала (аж несколько часов) гордилась должностью штатного журналиста и мысленно даже похвалила себя за предусмотрительность: в июне-то, когда все получают дипломы, будут с руками отрывать любые вакансии по свежобретенной специальности, а я к этому времени уже...

Радовалась ровно до того момента, пока не познала всю глубину паскудного характера главгада.

Вот и сейчас, пока он пытался ужалить побольнее, мыслями была с зарплатой и второй частью диплома, которую нужно сегодня дописать.

– ... Эй, Конокпаева, ты все еще с нами?

Главгад подошел вплотную и пребольно щелкнул меня по носу.

– А? – Я заморгала.

– Я говорю, что тебя удостоили чести взять интервью у самого Артура Бейметова.

Я не поверила своей удаче: сам Бейметов! Режиссер,

умудрявшийся создавать клипы не хуже, чем у зарубежных звезд. Кстати, правильно сделала, что не поверила.

Задание, на первый взгляд весьма интересное и, что немаловажно, питающее не только дух, но и кошелек, оказалось, как та пресловутая кастрюля супа, в которую от щедрот шмякнули половник васаби, теоретически съедобной: проглотить и переварить можно, а на практике... От Лики Южной у меня были изжога, несварение и тошнота почище, чем у будущих мамочек в первые месяцы беременности. Но именно эту гламурную фифу мне отрядили в наперсницы и соавторы статьи. Бонусом шел фотограф, относительный мастер репортажной съемки. Относительный, потому что относился к ней спустя рукава, хотя кадры выходили отличными.

Впрочем, этот фотолодырь так же наплевательски снимал и свадебные шабашки, которые приносили ему гораздо больше, чем пресловутая зарплата в «Сплетни live». Своей работой в журнале он козырял, пуская пыль в глаза «левым» заказчикам его услуг.

В общем, после планерки я находилась в том состоянии, когда материться хочется, а нельзя. Подошедшая ко мне Южная подлила масла в огонь своим заявлением, что-де к режиссеру она не поедет, а доверит эту почетную миссию мне. Сама же Лика поищет «горячую» информацию о Бейметове на просторах Интернета, что, несомненно, не столь интересно, как мое задание...

Речь Южной была сладкой до тошноты. Лика вообще все-

гда разговаривала так, что после пяти минут общения с ней непременно хотелось выпить стакан простой воды, чтобы во рту не было так приторно. Вот только за этим рахат-лукумом торчала во все стороны, как антенны из подводной мины-ежа, банальная правда: над статьей придется корпеть мне одной, а в печать она уйдет за двумя подписями. К тому же я абсолютно уверена, что фамилию «Конокпаева» поставят второй, мелким серым шрифтом, чтобы, когда взгляд скользнет по глянцу, ее сразу было не прочесть.

Ли́ка же наверняка весь день просидит в офисе, зависая во «вкашечке» и «мордакниге», прочирикает в «Твиттере» со своими заклятыми подружками о моде и макияже. Но самое главное – назовет это все умными словами «мониторинг личных данных Артура Бейметова в социальных сетях». Результат оно́го – фото с профиля режиссера и пара строк о его заслугах с сайтов телеканалов.

А по итогам: лавровый венок – Юпитеру, «травку», в смысле, «капусту» (жаль, что не долларовую, а рублевую) – быку.

Ли́ка все еще щебетала, а я еще раз убедилась: те, кто утверждают, что наглость – второе счастье, беззастенчиво врут. Первое. Но я прикинула, что стипендия – это, конечно, хорошо, но когда остается лишь она – это уже плохо.

Потому, нацепив на лицо самую идиотскую из своих улыбок, заверила: таки интервью возьму и все будет в лучшем виде. И на согласование ей обязательно отправлю. А потом

невинно поинтересовалась: а за «обязательно» премия полагается?

От такого простого вопроса Лика сморщилась, как от неожиданно неприятного запаха сероводорода, который вдруг исторг из себя флакон с надписью «Шанель № 5». Она манерно поджала искусно нарисованные губы, но все же ласково (вкупе с неприязненным взглядом – убийственное сочетание) пропела:

– Наверняка. Игорь Сергеевич всегда поощряет понятливых сотрудников.

В общем, сказать можно было гораздо проще: паши и не вякай, тогда тебе что-нибудь перепадет.

Фотограф, прислонившись к стенке, без зазрения совести подслушивал наш милый девичий разговор. Пардон, не подслушивал, а собирал информацию и анализировал полученные данные.

Когда же Лика уплыла из кабинета, фотолодырь, оставшись со мной тет-а-тет, притворно печально вздохнул и выдал:

– А я думал, вы поцапаетесь и не придется ехать на это водохранилище...

Я прекрасно его понимала: тащиться за двести километров от города «на натуру» – занятие не из приятных. Именно по этой причине Южная и возжелала себе соавтора статьи, а в том, что взять в «помощницы» меня – ее идея, я не сомневалась. Будь интервью где-нибудь в городе, скажем, в ресто-

ране или дома у режиссера, Южная полетела бы туда на своих пятнадцатисантиметровых цокалках единолично. И никакие соавторши ей бы нужны не были. Но «Prada», пусть и родом из Китая, плохо сочетается с распутицей.

А все из-за режиссера, который всегда неохотно общался с прессой, а в этот раз отчего-то решил снизойти до интервью. Но! Гений клиповой съемки отказался разговаривать по телефону или скайпу, заявив, что если «Сплетням» так надо, то он может лично ответить на несколько вопросов без отрыва от рабочего процесса. А происходил этот самый «процесс» на берегу водохранилища.

Четыре часа тряски в поезде, два часа оздоровительной прогулки по просеке леса, радовавшего взор голыми ветками и грозящего просыпающимися от спячки клещами, – все это шло в комплекте с интервью. Фотограф трепался о ерунде, я поддакивала.

Мы уже подходили к береговой линии, когда навигатор заверил: еще немного – и наша цель будет достигнута. Березы впереди расступились, и в просвете замаячила свинцовая гладь. Свежая колея, оставленная внедорожником, подтверждала: мы на верном пути.

Наконец пришли. Выбрались из леса как раз недалеко от съемочной площадки. Я огляделась, переводя дух.

Плотина была здоровой. Прямо по курсу высился длинный заслон из бетона, что отгораживал верхний уровень воды. Режиссеру взбрендило отснять свой гениальный клип

аккурат рядом с трубами сброса.

Не могу отрицать, что дистрофичная девушка, чья фигура олицетворяла собой шпалу, весьма интересно смотрелась в полосках бинтов и ярком макияже. Босая (и это в то время, когда температура не превышала пяти градусов по дедушке Цельсию), на деревянном плоту аккуратно под одной из труб – она невольно приковывала к себе внимание.

Фотограф тут же расчехлил камеру. Ее затвор споро защелкал, собирая в цифровую память кадры.

Впрочем, не он один спешил запечатлеть девушку на плоту. Камеры съемочной группы активно писали картинку и звук. Режиссер, расположившись в раскладном кресле, контролировал процесс.

Увидев свою цель, я потянулась к рюкзаку за диктофоном.

Именно в этот момент произошло событие, напрочь изменившее мою жизнь: открылись шлюзы. Причем, если первую пару секунд вода из труб была не в полную силу и режиссер, как истинный фанат красивого кадра, даже успел дать команду: «Мотор!» – то дальше...

Плот под девушкой закачался, и она с воплем, который никак не шел к образу отрешившейся от всего мирского героини, упала в воду.

Раздались крики: «Вылавливайте!», «Быстрее!», «Успел отснять?» Деловая суета, спасательный круг, брошенный тонущей...

В голове запоздало всплыла информация о том, что в этом

году в сводках МЧС постоянно проскакивали сообщения о рекордно высоком уровне паводковых вод. Значит, Артур Бейметов решил поехать в эту глушь не просто так, а за редкими кадрами. Наверняка подгадывал под дату сброса. Но согласовал ли съемку с безопасниками? Или, как всегда, все будет оформлено задним числом?

За всем этим никто не заметил главного: как пошел трещинами монолит бетона. Зато треск запорной арматуры слышали все.

Ревущая дурным ревом водная стихия пробивала себе путь. И не только через систему сброса. Поток, еще минуту назад казавшийся относительно безопасным и контролируемым, теперь напоминал косу жнеца смерти, сметающую все живое на своем пути.

Я развернулась и припустила прочь. Напрасно. Бешеный поток толкнул меня в спину, сбил с ног, закрутив, протащил по земле. Я неосознанно вцепилась руками в первое попавшееся. Им оказался ствол. Грудь словно разрывало изнутри. Голова гудела, сознание ускользало. Вода жгла холодом и болью. Рук я уже не чувствовала. Пальцы разжались сами. Я открыла глаза, чтобы в последний миг увидеть в окружавшей меня пенной мути проплывающее тело режиссера. Почему-то сразу поняла: он окончательно и бесповоротно мертв. Может, потому, что не бывает живых с лицами, взвизгивающими остекленевшими глазами на собственные лопатки.

«Ну вот и все. Причем – всем», – была моя последняя

мысль. Стало до жути обидно. Я не хотела умирать. Вот так. Прямо сейчас. Здесь.

Отчаянная решимость выжить придала сил. Их хватило ровно на несколько гребков в этой бешеной круговерти, где небо и земля постоянно менялись местами. А потом я потеряла сознание: то ли от боли, то ли банально в легких закончился кислород. Но во мрак я проваливалась с единственным желанием: «Хочу жить!»

Всегда считала, что, умирая, идешь по лунной дороге или светлому тоннелю, а вокруг если и не поют херувимы, то хотя бы не смеются над тобой столь глумливо. Но на деле... Непроглядная хмарь – сводная сестра кромешного мрака – мягко обнимала за плечи, накинув мне на голову сотканную из неясных перешептываний вуаль. Тихие голоса вокруг, в речи которых слов было почти не разобрать, становились все громче, словно в шелест осенней листвы вдруг со всей мощью вплелся порыв стылого ветра.

Неужели это и есть голоса тех ангелов, которым по штату положено встречать души? Но если бы они лишь переговаривались... Звуки становились все громче, резче, четче. Наконец раздался смех. Хотя смех – слабо сказано. Ржание – вот точное слово. Прямо как в конюшне: нагло, громко и выразительно.

Ржание повторилось, настойчиво ввинчиваясь в уши, перекрыло все остальные звуки. «Даже мое посмертие – и то отдает дешевой рекламой, в которой все красиво, пока да-

леко и на картинке. А на поверку...» Я не успела додумать мысль, как почувствовала: внутренности стремятся покинуть меня, причем через горло.

Потом пришло ощущение опоры. Я лежала на чем-то рыхлом, холодном, влажном. Пальцы нащупали стебли склизкой травы.

Где я нашла в себе силы, чтобы, опираясь на руки, чуть приподнять голову? Не знаю. Но меня тут же начало выворачивать. Казалось, вместе с водой из горла выплевывается часть легких, а заодно желудка. Слипшиесь то ли волосы, то ли водоросли будто приклеились к лицу, обвили шею.

Наконец я смогла сделать глубокий вздох. Все тело болело. Я каждой клеточкой чувствовала пульсирующую волну боли и была счастлива. Захотелось безумно рассмеяться: жива.

По ушам вновь ударило лошадиное ржание. Я слепо завертела головой и только сейчас поняла: ничего не вижу. Слышу, ощущаю запахи. Руки чувствуют под пальцами жижу, но я ни черта не вижу.

Так, Сашка, без паники! Прорвешься. У тебя всегда все получалось. Даже поступить в институт без блата. Хотя максимум, что светило девчонке из неблагополучной семьи, — это ПТУ.

Попыталась сесть, чтобы отдышаться.

Шелест. Шелест вокруг при каждом движении, дуновении ветра, даже вдохе. Жужжание. Недалеко фыркнула ло-

шадь, ей вторило ржание второй. Бряцанье железа о железо. Упряжь? И тихий стон.

А потом до меня сквозь запах тины и молодой свежесорванной травы донесся он – с привкусом железа на языке, тошнотворно сладкий, едва уловимый вначале, но все больше забивавшийся в ноздри... запах. Так пахнет страх. Тот, что сродни животной всепоглощающей панике. Он-то и заставил меня вновь видеть.

Как оказалось, глаза мои все время были открыты. Просто в какой-то момент мгла начала принимать очертания, истончаться, прорезаться светом. Я моргнула. Потом еще и еще. Каждый раз, когда веки поднимались, картинка становилась все четче, ярче. А до меня с запозданием начало доходить: не бывает в апреле стрекоз. И рогоз, что по ошибке обыватель зовет камышом, не зеленеет весной так отчаянно, как и кроны деревьев, замеченных невдалеке.

Осторожно вытянула шею, пытаясь разглядеть за колышущимися коричневыми свечками, что вот-вот должны были начать сыпать пухом, где я. Лучше бы я этого не делала.

Меня выкинуло на берег. Вернее, на илистое камышово-остролистное мелководье. Шуршащие невысокие заросли жестких кожистых листьев, витающий над водой полуденный зной, а за ним, на берегу, жуткая в своей статичности картина.

Несколько повозок с впряженными в них лошадьми стояли у берега. Добротнo сколоченные борта, деревянные коле-

са, оглобли, тюки, громоздившиеся на телегах. И все залито кровью. Лошади нервно стригли ушами, нет-нет да раздавалось ржание. Оно казалось вдвойне страшнее, поскольку это были единственные живые звуки среди трех дюжин трупов. Вокруг, да и на самом обозе, лежали люди. Некоторые – в броне, иные – в домотканой одежде. Но и те и другие – утыканные стрелами или зарубленные.

Я ущипнула себя. Потом отчаянно замотала головой, искренне надеясь, что привидевшееся – бред. Я просто здорово приложилась о ствол, или это галлюцинации от недостатка кислорода. Но видение не исчезало. Раздался стон, едва слышимый, но вымораживающий изнутри. Так в мучительном бреде, граничащем с агонией, мог звать только тот, кто отчаянно хотел жить. Так же сильно, как совсем недавно и я.

Инстинкт кричал, что надо бежать как можно быстрее. Не важно – куда. Главное, чтобы подальше отсюда. Тело еще помнило ощущения, когда тебя словно выворачивает наизнанку от осознания того, что все – это твой конец.

Но та часть меня, которая еще могла мыслить, чувствовать, которая и делает человека – человеком, заставила вылезти из прибрежных зарослей. На четвереньках, раздвигая головой камыши и остролист, царапая кожу жесткими краями осота, я ползла и волочила за собой неподъемный рюкзак. Едва руки почувствовали дерн вместо ила, встряхнулась, точно мокрый пес. Потом стянула с плеча лямку рюкзака, некогда миниатюрного и симпатичного, хоть и жутко

дешевого по той простой причине, что прежняя хозяйка возжелала от него избавиться. В общем, нас с моим заплечным мешочком свели судьба и сайт покупок подержанных вещей.

Сейчас он упал на траву, а я все так же, на четвереньках (ибо сильно сомневалась, что, если решу распрямиться, двуногая конструкция не грохнется), двинулась на стон.

Саму меня изрядно штормило. Да и если рассуждать логично, ну чем я, полуобморочная, могла помочь тому, кто был наспигован стрелами и явно отдавал концы? Но это – доводы холодного разума.

Еще оставалось то, что ломало и гнуло все доводы рассудка, – знание. Глубинное понимание: если я развернусь, попробую уйти, не попытаюсь помочь... внутри что-то сломается. Порвется тонкая нить, связывающая все внутри меня воедино. И я уже никогда не буду прежней.

А потерять саму себя сейчас казалось вдвойне страшнее, еще и от осознания того, что телом-то я уже потерялась. Берег, камыши, эта жуткая поляна, обоз с кучей человеческих трупов в старинных одеждах. Стрелы, раны, кровь... – целый чужеродный мир, которого существовать просто не могло. В двадцать первом веке. В цивилизованной стране. Не могло – и точка. Но он был. Существовал. Казался настолько реальным и до дрожи настоящим, что чужеродным элементом в нем оказывалась именно я: в мокрых джинсах, старых кроссовках и несурзадной болоньевой куртке.

Другой мир, иной мир... – догадка, от которой все внутри

начало скручиваться узлом. Но я, переставляя ладони и колени, тащилась вперед, ориентируясь на стон, и гнала, гнала прочь эту сумасшедшую мысль, как и слепней, почувявших во мне новую поживу.

Я нашла его, вернее, ее под одной из телег. Стрела, пробившая насквозь грудь, скорее всего, задела легкое, дала жертве чуть больший срок, чем другим, и сделала кончину мучительнее.

Открытое лицо, пухлые бескровные губы, мутный взор серых глаз – ее можно было бы принять за пацана, одетого в портки и рубаху. Вот только набрякшая от крови ткань четко обрисовывала девичью грудь, да и слетевшая с головы шапка, валявшаяся рядом, не прятала тугой длинной русой косы.

Ее уже стекленеющие глаза увидели меня. Наши взгляды встретились, и я, сама не понимая, как, подползла ближе, нырнула под телегу. И тут умирающая с неожиданной для полутрупа резвостью цепко схватила меня за руку.

Ее губы то ли прошипели, то ли прошептали:

– *Meateina, nonitmieresta.* – Девушка тяжело сглотнула. Наверняка эти слова выжали из нее последние силы, но она все же продолжила: – *Toukneissa. Obesmier.*

И пристально посмотрела на меня. Словно через снайперский прицел. Ждала ответа. Я не поняла ни слова, нахмурилась.

– *Obesmier,* – требовательный взгляд и голос, хотя последний и был невероятно тих.

Я мотнула головой, смахивая слепня, навязчиво нарезавшего круги около меня, а умирающая приняла этот кивок на свой счет. На ее губах вдруг проступила улыбка, словно она сумела передать какую-то эстафету. Черты ее лица разгладились, голова неестественно повернулась в сторону – не иначе мышцы шеи отказали – и девушка собралась преспокойно отбыть в мир иной. Все бы ничего: моя совесть, не сдавшись в плен шкурным инстинктам, осталась при мне, а девушка умерла, судя по лицу, счастливой... Но тут я заметила змею, до этого прикрытую воротом рубахи.

Тугая, в чулке серого узора, обнимавшего ее ажурным плетением. Гадюка? Она текла по шее девушки, шуршала чешуйчатым, нагретым на солнце телом. Ее чуть сплюснутая ромбовидная голова нырнула в ворот рубахи, и я увидела, как медленно поднималась ткань там, где прокладывала себе путь сероузорная, когда скользила по плечу, потом по локтю девушки, чтобы появиться на ее запястье. А дальше... Дальше – была ладонь, что так крепко держала мою руку. Мертвой хваткой держала. Во всех смыслах этого слова.

Я оцепенела, застыла и не могла пошевелиться. А змея неспешно заскользила уже по моей руке, обвиваясь поверх мокрой, прилипшей, словно вторая кожа, куртки. Змеевна достигла плеча. А я все так же не шевелилась. Страшно. До жути страшно, хотя и хотелось скинуть ядовитую, взвизгнуть, вскочить. Но я понимала – поступишь так – и она обязательно укусит. Вонзит клыки. Пока же змеевна только тек-

ла по мне и даже не шипела.

«Может, примет меня за валун и сползет? Или попытаться ее медленно-медленно с себя снять?» – додумать я не успела.

Змеевна начала неспешно обвиваться вокруг моей шеи. Я перестала дышать. Чувствовала лишь тяжесть, чуть шероховатое, на удивление приятное сухое тело и то, как медленно, волнообразно сокращаются мышцы под шкурой. Наконец змея улеглась, удобно устроившись на мне. Ее голова и хвост как раз находились на уровне подключичной впадины, словно все тело сероузорной было кольцом. А потом я кожей ощутила, как живое превращается в металл: холодеет, тяжелеет, сглаживается.

Рискнула приоткрыть один глаз, потом второй. Увидеть, что за ярмо у меня на шее, не удалось. Тогда решила сделать вдох и медленный-медленный выдох. Рука же сама собой потянулась к «украшению». Через пару минут вечности я убедилась в двух вещах: змея и правда превратилась в металлическую, а я до сих пор жива.

Последнее особенно радовало. Голова закружилась, и я поняла: еще немного – и грохнусь рядом с только что умершей девушкой. Посему выдернула руку из пальцев усопшей и начала осторожно выбираться из-под телеги.

Говорят, что от вида крови человеку может стать дурно и он способен даже потерять сознание. Наверное, у кого-то так и происходит. Но то ли в моих генах дремлет наследие великих хирургов (хотелось думать именно о них, а не о мясни-

ках), то ли просто я натура не столь тонкая и чувствительная... Как бы то ни было, меня картина обоза, подвергнутого нападению, наоборот, отрезвила. Прямо как хлесткая пощечина.

Хватило сил даже распрямиться и встать. Обвела взглядом телеги и увидела то, чего не заметила доселе: обезглавленное тело девушки. То, что и на этот раз передо мною именно дивчина, поняла по одежде: что-то, отдаленно напоминавшее поневу с затейливой вышивкой по подолу, изящные сапожки, монисто на обезглавленной шее, расшитые рукава рубашки. Их хозяйка явно не из простых. Была.

Я сглотнула. Попятилась. Тут ноги ощутили вибрацию. Змея на моей шее начала нагреваться, словно предупреждая об опасности.

Кто бы это ни был, опоздавшая подмога или налетчики, вернувшиеся за поживой, я решила, что самое разумное – дать деру. Ибо в моем случае поговорка «бег продлевает жизнь» имела не фигуральный, а самый прямой смысл. Поэтому я действовала как при облаве, когда первыми надо смыться невиновным, у которых нет навыков убедительно оправдываться.

Быстро попятилась, скрылась в тех же зарослях, из которых выползла не так давно, не забыв прихватить свой рюкзачок. Как оказалось, весьма правильно сделала.

Конных было четверо: в легкой броне, с мечами. Один, спешившись, подошел к обозу и стал бесцеремонно осмат-

ривать убитых, оттягивать им ворота, словно что-то искал.

Когда я сквозь траву увидела отрезанную девичью голову, притороченную к седельной сумке – чуть не завизжала. Наверное, помогла журналистская привычка. А может, собственный кулак, поднесенный ко рту. И губа, прикушенная до крови.

За всем этим не сразу сообразила, что начала понимать, о чем говорят тати. Нет, не слышать слова, а именно понимать общий смысл. Как если бы не вчитывалась в отдельные предложения, а просто смотрела на текст.

Они искали какую-то кнессу с печатью. В голове сразу же всплыл образ здоровенного штампа, которым ставят оттиск «оплачено». Но что-то подсказывало, что это не то. А потом до меня, как посылка до адресата, отправленная по почте России, с опозданием дошло: это змея на моей шее... Разбойник ведь заглядывал именно в горловины рубашек...

У моей головы имелось одно свойство, которое я до сей секунды считала достоинством. Она была богата на всякую правдоподобную фантазию. Конечно, без такого полезного навыка журналистом, увы, не стать (во всяком случае, успешным – точно), посему эту способность я даже оттачивала. Но сегодня чересчур резвое воображение, получившее нехилую порцию адреналина и вагон непереживаемых (для обозников, которые, увы, полученные впечатления не смогли совместить с собственной жизнью) и непередаваемых (или передаваемых нецензурной лексикой) впечатле-

ний, сыграло злую шутку.

Это самое воображение, словно костяшки на счетах, отщелкало неутешительную сумму моего долга фортуне, которая решила каким-то чудом оставить меня в живых.

Выходило, что в обозе ехала эта самая кнесса, девушка далеко не бедная, и везла с собой печать. Вернее, змею. Или нашейный обруч... Тут я слегка забуксовала, поскольку разум все еще отказывался верить в то, что змеевна, живая и вполне бодро ползающая, способна стать металлическим украшением. Но факты были налицо, вернее, были на моей шее. А посему женская логика, которая тем и хороша, что может криками, скандалами, слезами или простым «а почему бы и нет?» заставить замолчать даже законы физики, просто приняла случившееся как данность. И я, прислушиваясь к разговорам налетчиков, стала лихорадочно складывать мозаику событий.

Судя по тому что обезглавили девушку в богатом одеянии, ее и приняли за кнессу. А настоящая, получается, ехала в обозе под видом простого мальчишки? Значит, переодевшаяся подозревала подобный исход событий. Или на нее уже были нападения?

В общем, так или иначе, но та, в монисто, сыграла роль любимой многими журналистами водоплавающей птицы – утки. Подсадной и весьма убедительной, на свою же голову.

Между тем время шло. Головорезы, не находя искомого, злились. Я бдела в камышах.

Самым сложным в засаде оказалось даже не сидеть тихо: ведь страх хорошо парализует, почище двустороннего инсульта. И даже не бороться с собственными мыслями, которые норовили пуститься галопом, ввергнуть хозяйку в панику и выдать с головой. Вовсе нет. Самым сложным было не замерзнуть в воде, которая показалась мне сначала весьма теплой. Не парное молоко, конечно, но и не та захлестнувшая волна паводковой мути, что ненамного теплее крещенской проруби.

А еще я выяснила, что в данной речке вода не просто чистая, а экологически чистая. Как? Мной решила подзакусить пиявка. Говорят, что эти твари обитают только в чистой пресной воде. Вот когда я пожалела, что сижу не в озере с масляной пленкой. Хотя... где бы я тогда спряталась?

Камыши ведь тоже в столь «облагодетельствованной» человечеством калаужине не выросли бы.

Пока я размышляла о плюсах и минусах индустриального природопользования, шелковая черная лента длиной с мизинец решила, что моя лодыжка – это совсем-совсем недурственно. Пиявка примерилась и таки впилась в мокрую джинсу. Прокусить не прокусила, но место ее страстного воссоединения с тканью я ощутила.

Слепни от водной обитательницы не отставали и кружили над головой. Ударить или стряхнуть кого-либо я не решалась: вдруг разбойники услышат?

А последние между тем активно рылись. Уже в тюках, раз-

брасывая вокруг пушнину, одежду, снедь. Не нашли печати и решили, что ее везли отдельно от тела?

Но, что самое удивительное, чем дольше я слушала грабителей, тем больше понимала отдельные слова. А моя змеевна на шее все так же «грелась». «Прямо как аккумулятор усиленно работающего телефона», – подумалось вдруг. Хотя почему «как»? Ведь понимать местную речь я начала после того, как меня «осчастливили» этой печатью.

Разбойники искали долго и с остервенением. Но когда солнце начало клониться к закату, они все же убрались. Подозреваю, что недалеко и не насовсем. Это были не простые грабители, которым нужна пожива. Наемники. Киллеры местного разлива. Как я поняла, нанятые с одной конкретной целью: добыть печать.

А посему они будут искать и искать. Пока не найдут. А с учетом того, что эта зараза сейчас на мне, заберут ее у нынешней хозяйки без церемоний. И бонус в виде моей глупой башки тоже прихватят.

Едва тати скрылись, а звуки конского топота растворились в вечернем воздухе, я дала низкий старт из камышей. Зуб на зуб у меня уже давно не попадал, зато голова, в отличие от одеревеневших мышц, работать не отказывалась. Времени же, чтобы подумать, было предостаточно.

По всему выходило – меня занесло куда-то дальше злополучных чертовых куличек. Мысли о том, что я умерла и в раю, почему-то не посещали. Может, оттого, что в Эдеме

группы, по идее, не водятся? Им как бы там по штату быть не положено. Значит – другой мир. Сколь бы бредово это ни звучало. И чтобы не умереть еще и тут – стоит поторопиться.

О том, как меня сюда вообще занесло, почему и с чего такая честь – старалась пока не думать. Хоть мой процессор, в смысле, голова, – вещь и многозадачная, но «оперативка» и так трещала от всего, что я увидела и услышала.

Я попрыгала, согреваясь, а потом рысцой добежала до одного из распотрошенных тюков. Рубахи, юбки, жилеты, мех.

С убитых не знаю, сняла ли бы. Наверное, все же не смогла бы пересилить себя, но тут... Мародерство отвратительно, но сдохнуть – вдвойне отвратительнее. Потому я стянула с себя мокрые джинсы, куртку, водолазку и нырнула в рубаху. Брюк, что подошли бы на мою субтильную фигуру, видно не было, а искать – тут каждая секунда на счету. Пришлось прихватить юбку, безрукавку и полотняный отрез. Расстелив отрез, кинула в него свои мокрые вещи. Рюкзачок, в котором обретались диктофон и прочие мелочи, повесила на плечо.

Самая большая заминка вышла с обувкой: все сапоги оказались гренадерского размера, здоровые, мужские. С деревянными башмаками, выдолбленными из цельного куска дерева – та же история. А намотать кучу портянок на манер онучей – да я бы этим извращением до утра занималась! Посему плюнула и решила, что мокрые кроссовки – тоже ничего.

В последний момент, уходя с поляны, вспомнила о день-

гах. С совестью боролась недолго, но отчаянно. Эта паршив-
ка вопила и не заткнулась до конца, даже придавленная тя-
жестью напоясного кошель, который я позаимствовала у од-
ного из убитых.

– Прости, – сами собой прошептали губы.

Звук получился, словно из проколотой шины воздух вы-
шел. Глупо просить прощения у трупа, но за сегодняшний
день произошло столько бреда, что бредом больше, бредом
меньше, какая уж разница?

«Обо всем этом стоит еще раз подумать. Хорошенько. Но
потом. А сейчас пора сматываться», – решила я, словно от-
секла путы, потом, подхватив рюкзачок и узел с мокрыми
вещами, нырнула в заросли.

Лес встретил меня мошкаррой и густыми, как смола, су-
мерками. Не покидало ощущение, что я здесь чужачка. Да,
в сущности, так оно и было. В свои двадцать три я по паль-
цам могла пересчитать дни, проведенные на лоне природы.
Потому трезво рассудила, что от тракта далеко отходить не
стоит, но и идти по нему открыто – значит нарываться на
крупные неприятности.

Так и шагала леском в полусотне метров от дороги, чтобы
видеть ее хотя бы иногда, но если вдруг появятся конные или
пешие – сразу же нырнуть с головой в траву.

Когда солнце почти скрылось за горизонтом, а ситуация
окончательно подтвердила, что страшнее комара зверя нет,
я поняла, что умная женщина никогда не будет брать тяже-

лого – в руки, а дурного – в голову. Но то – мудрая. Увы, я таковой ни разу не была. Потому как сумела прихватить и то, и другое: куль с мокрой одеждой весил изрядно, а мысли, бродившие в голове, – и того больше.

Каждый шаг давался все тяжелее. В животе не просто урчало, там, судя по звукам, выл Джигурда. Голова кружилась. Наконец я сдалась. Плюхнулась под первым попавшимся деревом и вытянула ноги.

Задним числом пожалела, что взяла все, кроме самого главного: еды. С водой в организме после продолжительных принудительных водных процедур пока был порядок.

Стала перебирать в уме, что же я знаю о съедобных растениях и грибах. Оказалось, что только как их искать. Да и то не в лесу, а в «Гугле». Но тут взгляд упал на поклажу, и я вспомнила о недоеденном батончике.

Руки, до этого неподъемные, почувствовав, что организму светит углеводная пожива, потянулись к рюкзачку. Уже спустя минуту я с утробным урчанием уплетала остатки шоколада с орехами. Когда фантик был в третий раз тщательно облизан, пришлось с прискорбием признать: вечерней трапезе конец. Пора подумать о ночлеге. Идти куда-то сил не осталось. А ночевать на земле...

Я уже убедилась, что моя кровушка – весьма недурственная закуска для местных обитателей. И если комарам и пиявкам посягательства можно было пусть и не простить, но хотя бы смириться, то с волками, подозреваю, я ста грамма-

ми второй отрицательной не отделаюсь. Решение заночевать на дереве показалось правильным.

«Кровати» на мой непритязательный взгляд отличались лишь тем, что одни были – с иголками, другие – с листьями. Последние мне нравились больше.

Задрала голову. Я сидела как раз под раскидистым дубом.

«Значит, дуб», – решила и с кряхтением встала. Как залезала на дерево уже почти в темноте – отдельная сага. Но нет в мире той стены, что устоит перед женской целеустремленностью. Хотя в моем случае – скорее банальным упрямством. В итоге я все же оседлала одну из веток. Убедившись, что подо мною метра четыре свободы, решила, что я пока корочек пилота не имею, оттого к полетам мое брэнное тело допускать не стоит. Достала из узла джинсы, выдернула из них ремень и, привалившись спиной к толстому стволу, вытянула ноги вдоль ветки.

Чтобы приковать себя за талию, длины ремня не хватало, но вот соединить ногу и толстый сук – вполне.

Думала, что в таком положении долго не засну. Ан нет, сегодняшний день измотал меня настолько, что я вырубилась практически сразу же.

Вот только сон был недолгий. Проснулась от грохота. Едва не свалилась, но чудом успела вцепиться в ветку. Вокруг еще было темно, и я, слепо щурясь, начала лихорадочно озираться. А когда наконец углядела, что там внизу, под дубом, сердце ушло в пятки.

Она была мертва. Стекланный взгляд, бледное до синевы лицо, неподвижное, как гипсовая маска. Слишком прямая спина, неестественно вывернутая шея, руки как плети. Рубаха, заляпанная кровью. Посреди пятен, прямо в груди – торчащая стрела.

Кнесса стояла, не смея зайти под сень дубовой кроны.

Мое сознание будто хлестнули огненной плетью. Сон отлетел напрочь. Зато животный ужас, от которого хотелось выть и бежать без оглядки, заполучил меня в свою безраздельную власть.

Гостья стояла, смотрела на меня немигающими глазами и не шевелилась. Я тоже будто приросла к дубу и уже представила, как эта посланница нави сейчас, взобравшись по стволу, начнет меня душить. Почему именно душить? Я сама не знала. Но воображение почему-то отдало предпочтение именно этому способу убийства.

Все же усилием воли если не отогнала, то хотя бы чуть приглушила панику. Ободрила себя тем, что если бы пришла могла со мной разделаться, то давно бы это сделала, пока я спала.

Она же стояла, как проржавевшие «жигули»: теоретически двигаться могла, но считала это ниже своего достоинства. Хотя... Закралось подозрение, что убиенной мешает именно дуб. Ну боятся же вампиры осины? Может, и у этой неупокройницы аллергия на конкретные деревья?

Не знаю, сколько бы мы с ней играли в гляделки, но вда-

леке пророкотал гром. Этот предвестник гнева туч, брюхатых отчаянным дождем, будто подстегнул загробницу.

Она заговорила. Ее голос, такой же неживой, размеренный и негромкий, как удары метронома, тем не менее ввинчивался в уши и, казалось, даже забирался под кожу.

– Моя жертва оказалась ненапрасной. Несколько последних веретен жизни стоили того, чтобы отдать их в обмен на услышанную мольбу. Перед тем как я уйду в навь, хочу напомнить. – В ее речи не было пауз, что нужны живым для вдоха, оттого смотреть на говорящую было жутко вдвойне. – Ты обещала сохранить мир. Ты поклялась передать печать кнессу Верхнего предела, стражу Небесных врат.

Тут я не выдержала и перебила монотонный монолог:

– Помедленнее, пожалуйста, сейчас запишу! – то, что я слышала, было столь бредовым, что мозг отказался воспринимать и верх взяли рефлексы. Благо не безусловные, вроде глотательного и дыхательного, а сугубо профессиональные, журналистские.

Руки потянулись к рюкзачку, в котором лежал диктофон. Мне бы подумать: ведь электронный трудяга мог и не пережить купание, во время которого я сама чуть не сдохла. Но вопреки всему водонепроницаемый китайский чехол оказался действительно водонепроницаемым.

Пальцы нащупали кнопку, мигнул красный огонек: запись пошла.

Мертвая гостья наоборот – тут же умолкла. То ли ее сму-

тила моя просьба, то ли результат работы гения инженерной мысли, что сейчас исправно записывал звуки тишины.

– Простите, а можно поподробнее, чем вы пожертвовали, кому и при чем здесь я?

Как оказалось, умершие – натуры тонкие и с ограниченной функцией памяти. Сразу несколько вопросов им задавать нельзя, иначе зависают почище интернет-эксплорера, в котором сразу открыли двадцать окон.

Пока я постигала азы некромантии, в частности, училась общаться со свежевоскресшими трупами, удалось выяснить, что эта кнесса в обмен на последние часы своей жизни (или как здесь принято отмерять время – веретена) и крохи собственной магии решила-таки выполнить возложенную на нее отцом миссию. То бишь передать эту долбаную печать адресату. Но поскольку сама умирающая по понятным причинам этого сделать не могла, провидение послало ей того, кто оказался рядом.

На мое осторожное замечание, что не так близко я была от этой кнессы (другой мир как-никак), умершая обронила, что, значит, я очень хотела жить и ее зов совпал с моим желанием. К тому же мертвые легко проходят между мирами, в отличие от живых...

В общем, кто ближе и роднее всего полутрупу? Правильно – второй такой же полутруп. Только в моем случае «подлежащий восстановлению»: ран, оторванной головы или тройной дозы яда у меня не было, а посему вернуть к жизни мою

персону можно было, всего лишь вытолкнув из водной круговерти. А там, как говорится, если сильно хочешь жить, сама справишься. Другого объяснения всему этому я просто не нашла.

Но вот если в первой части нашей милой беседы, которую периодически перекрывали громовые раскаты, все было понятно, то вопрос касательно самой печати и ее «доставки»... Змея на моей шее являлась грузом архищенным, но почему-то шла исключительно в комплекте с носителем.

Я уже наострилась задать очередной вопрос, когда блеснула молния. Совсем близко.

Мертвая посмотрела на небо и, обронив: «Мое время вышло», – сделала шаг назад. В этот миг новая молния, вылетевшая из тучи словно арбалетный болт, ударила ровно в то место, где стояла неупокоенная.

Яркая вспышка, от которой кровь застыла в жилах. Оглушительный треск, раздирающий барабанные перепонки. Но даже сквозь него я не услышала, ощутила последние слова кнессы: «Не выполнишь зарока – умрешь и телом, и душою. Станешь небытием».

За молнией, поразившей пришлую, сразу ливанул дождь. Капли не разменивались на морось. Они били тяжело, стеной. А я сидела на дереве и боялась пошевелиться. В мозгу все звучали последние слова кнессы.

Дождь барабанил по листьям раскидистого дуба. Молния сверкала теперь где-то вдалеке, уже не такая яростная – слов-

но спустившая пар склочная баба, что отгавкивается по привычке, когда пыл свары уже прошел, но поднятая пыль еще не улеглась.

«Вроде бы при грозе надо прятаться в кустах, а никак не на деревьях», – мелькнула мысль. Мелькнула и пропала. В отличие от холодного ручейка, что тек аккурат мне за шиворот.

Крона укрыла шатром, но этот тонкий, с иголку, ручеек не иначе как по стечению обстоятельств избрал местом десантирования именно мою злополучную шею. Наверное, исключительно ему стоило быть благодарной за то, что я окончательно не впала в прострацию от всего пережитого и увиденного за сегодня. Палец сам собою нажал кнопку остановки записи на диктофоне. Медленно, словно это был непосильный труд, убрала самописец в рюкзачок. А мысли были об ином.

До мозга наконец-то начало доходить – он не только понимал, но осознавал и принимал: я в другом мире. Другом, мать родная! Или отец? О местном пантеоне я ровным счетом ничего не знала, поэтому предпочла мыслить привычными категориями.

Сказать, что я была ошеломлена – значит, не сказать ровным счетом ничего. Еще сегодня утром сетовала на несправедливость жизни? Три раза «ха»! Но отчего я такая везучая? Вроде бы мои полушария защищены черепом, а не штанами, так отчего у меня в жизни все через заднее место?

Теперь подозреваю, что именно время земной жизни стану вспоминать как самое счастливое и беззаботное. Лица Южная, что так любила загребать жар чужими руками, главногад, самоутверждавшийся за счет унижения сотрудников, да даже собственная мать, которая скинула меня, как мусор с совка, едва я поступила в университет... Хотя она и до этого не сильно обо мне пеклась. И дело вовсе не в том, что я лишь одна из пяти ее детей. Моя мать вообще не особо переживала по поводу своего «выводка», считала, что это – забота ее очередного мужа. На моей памяти таковых было три. А уж «хахалей» (как точно характеризовал список любовников моей родительницы конклав околоподъездных бабулек-сплетниц) у маман водилось без счета. Но что больше всего меня поражало – мужья терпели любые загулы родительницы и разводилась все три раза именно мать.

Несмотря на то что моя жизнь была отнюдь не золотой, она меня устраивала. Я была уверена, что не останусь голодной и не сдохну в обшарпанном подъезде хотя бы потому, что все свое детство и отчаянные школьные годы провела далеко не в тепличных условиях. В тринадцать лет я уже освоила десяток законных способов зарабатывать деньги на кусок хлеба и три десятка – относительно законных. Я мыла стекла и сливала бензин из баков машин – бабушкиных ровесниц, могла шпилькой открыть почтовый ящик, убедить в крайней, буквально жизненной необходимости абсолютно бесполезной вещи случайную тетку на рынке и даже продать

ей эту фигну. В общем, как и любой подросток, я хотела денег. Вот только, в отличие от большинства сверстников, не для походов в кино.

Может, я в конце концов связалась бы накрепко с уличной шпаной и наплевала на школу, но тут при очередном разводе моей матери объявилась тетка. Эта сухопарая чопорная старуха из пятерых детей отчего-то решила облагодетельствовать именно меня. Хотя я точно не могла быть ее кровной племянницей, поскольку ее брат удочерил меня, когда я уже радовала мир дырками от молочных зубов.

Но, несмотря на это, после развода родительницы с отчимом Эльза Марковна забрала у матери меня, вазу, лично подаренную ею на свадьбу брата с «этой распутной женщиной» и долг по кредиту своего великовозрастного кровника. К слову, самого братишку она даже не пожалела и не поздравила с «кончиной» его брака, с усмешкой заявив: «Не плачься, я предупреждала, что из вашего супружества ничего путного не выйдет».

Мне на тот момент едва стукнуло пятнадцать.

Тетка оказалась, мягко говоря, эксцентричной, но чего у нее было не отнять – это железной воли. Впрочем, у меня тоже. Но Эльза Марковна все же победила и умудрилась наставить меня на путь истинный. Я окончила школу без золотой медали (скорее уж хорошо, что по некоторым предметам в аттестате не стояло двоек), но зато профильные дисциплины, как свидетельница ЕГЭовы, оттяпала у тестовой систе-

мы на высокий балл. Настолько высокий, что поступила в университет на бесплатное отделение. Жаль только, что тетя этого уже не узнала. Она отбыла в мир иной аккурат накануне экзаменов.

К матери я вернулась ровно на месяц, да и то – не в силу душевного порыва, а по велению законодательства. А потом мне исполнилось восемнадцать. Спустя четыре недели началась моя новая студенческая жизнь.

...Я сидела, прислонившись к дубу, и молчала. По щекам текли беззвучные слезы. Я перебирала свою прежнюю жизнь, как четки, и осознавала, что сегодняшней день отрезал меня от нее. Самым дорогим в этом отсеченном куске были воспоминания об Эльзе.

Рассвет встретила, не сомкнув глаз. Сначала запели соловьи, потом отчаянно закрикала утка, а когда зачирикали воробьи, лес стрелами пронзили утренние лучи.

Комариные тучи, поредевшие от тяжелых капель, лениво висели в воздухе.

Сползла с дуба. Есть хотелось не просто зверски. Я была голодна настолько, что чувствовала: еще немного, и начну убивать за еду.

Зато, как и вчера, пить не особо хотелось. Одежда оказалась настолько мокрой, что я могла конкурировать с коренными обитателями болот. Но все же я напилась с листа лопуха, так сказать, впрок.

Особых идей не возникало, кроме как убраться подальше

от разграбленного обоза. Хотя на тракт выходить я все же не рискнула и кралась, как и накануне, по лесу. Чуть позже выяснилось, что предосторожность была отнюдь не излишней. До полудня меня обогнали две телеги и один всадник, мчавшийся, как угорелый, а вот ближе к вечеру...

Конский топот и ржание оповестили о том, что на дороге появились новые путники. Едва я увидела знакомую четверку всадников в броне, к которым примкнули еще несколько конных, – тут же нырнула в траву.

Они проехали мимо. Бряцанье сбруи и доспехов уже давно стихло, а мое сердце все еще гулко отсчитывало удары. Но потом все же отпустило: обошлось.

Когда добралась до развилки, на лес опускалась ночь. Поскольку особой цели у меня пока не имелось, я поступила в лучших традициях неверных супругов: пошла налево. Эта дорога была ничем не лучше и не хуже другой, но, как человек, закаленный очередями в кассах супермаркетов, я всегда выбирала именно «левую полосу».

Когда уже не было видно ни зги, а желудок успешно переваривал сам себя, обещая язву (заверял он в этом уверенно, как депутат на предвыборной кампании), я решила, что у меня начались галлюцинации. Иначе чем объяснить то, что мой нос уловил запах жареного мяса?

Сначала я помотала головой, прогоняя ароматический мираж. Но нос еще сильнее защекотало, а рот наполнился слюной. И я пошла на гастрономический зов. Крадучись, за-

мирая от каждого шороха.

Когда осторожно выглянула из кустов, поняла: это не глюки. Еда здесь действительно имелась, но добраться до нее – все равно что украсть кошелек у профессионального вора. Но все же я решила рискнуть. Голод – не лучший напарник, но учитель отменный. Объясняет коротко и доходчиво.

Внимательно оглядела лагерь и в углу поляны заметила клетку. По ее прутьям пробежали всполохи, словно деревянные брусья были под напряжением. А внутри сидел мужчина и смотрел прямо на меня.

Наши взгляды встретились. Меня поразили его глаза. Такие редко увидишь даже на просторах Интернета, а уж на этом складе бедлама чего только нет! Про суровую жизнь, лишённую магии фотошопа, я и вовсе молчу. Глаза были золотистые у самого зрачка, словно пламя костра, и будто обведены углем по краю. В них не сквозило ни обреченности узника, ни злости несправедливо осужденного пленника. Лишь презрение.

Не отрывая взгляда, незнакомец усмехнулся, словно видел меня насквозь: голодную воровку, что нацелилась на вертел с мясом, оборванную, мокрую, с волосами, некогда рыжими, а сейчас из-за слоя грязи похожими на паклю.

Я испугалась: вдруг сейчас этот заключенный поднимет бучу? Ему-то что, он в клетке. А мне опять по темному лесу нести? Хотя, может, просто выйти к костру, попросить еды?

Подумала и усмехнулась: дюжина здоровых мужиков у костра и ни одной женщины. К тому же они никак не тянули на монахов, соблюдающих целибат. Скабрзные шуточки, что доносились до моих ушей, скрежет металла о металл (кто-то из охранников точил меч), плеск то ли воды, то ли чего покрепче в бурдюке, который передавали по кругу.

Да, среди них не обнаружилось той четверки головорезов, которую я видела накануне. Но кто сказал, что эти – не подобны вчерашним?

В общем, я решила, что путь открытого диалога – выйти и сыграть скорбную умом, давя на жалость, – не мой вариант. Ибо вместе с жареным мясом эти ребята могут как следует отжарить и меня. По кругу. Пустив по рукам, как этот бурдюк.

Пока размышляла о том, насколько высоки моральные принципы охраны, заметила, что пленником-то особо никто не интересуется. Даже не следят. Но по прутьям его решетки все так же пробегали искры.

Тут я услышала обрывок разговора:

– Отнеси этой мрази пожрать... Да не миску, дурак. Пусть кость погложет. Он же не человек. Тварь. А тварям и такая еда сойдет, – громко, так, чтобы слышали с другой стороны костра, крикнул детина в стеганке.

Из круга тут же поднялся парень, еще не мужчина, но уже не подросток, и пошел в сторону клетки. В руках «гонец» и вправду держал кость. Причем лопатку – то ли коровы, то

ли какой-то местной здоровенной зверюги. Этот плоский обглодыш оказался настолько хорошо очищен, что на нем не осталось даже следов мяса. Что в нем есть? Даже костного мозга, который можно выбить из бедренных костей, – и то в этой лопатке нет.

Парень между тем подошел к клетке и кинул сквозь решетку «ужин».

Узник был чуть ближе ко мне, и я смогла расслышать:

– Жри, погань!

Заклученный скривился.

– Сам жри. Я не пес.

– Ты хуже пса, тварь. – На этот раз докатившийся до моего схрона ломающийся голос выдал возраст почище, чем юношеская угревая сыпь.

– И чем же? – насмешливо протянул пленный.

Меня поразил этот разговор. Юнец почти кричал, его звонкий фальцет дробил тишину, а брюнет, сидевший в клетке, напротив, говорил чуть приглушенно, но его тем не менее я слышала лучше, чем пацана-охранника.

– Ты, хладноробрый гад, умеешь только первым нападать со спины. Грабить и насиловать, а потом удирать, поджав хвост, – разошелся меж тем малец.

Звякнули цепи. Пленный в мгновение ока оказался у самых прутьев и схватил оторопевшего парня за грудки. Раздался треск, и тут же завоняло паленым мясом. Юнец извивался и орал, опираясь рукой в решетку, по прутьям которой

уже не пробегали всполохи: она раскалилась и светилась, как жидкая сталь в мартеновской печи.

А узник все сильнее и сильнее тянул пацана к себе, пытаясь приблизить его лицо к прутьям. Руку самого пленника прожгло едва ли не до кости, но казалось, он ничего не замечал.

– Повтори, что ты сказал, выползок хмерны? Это вы, людишки, развязали войну. Взяли в плен наших женщин, убили наших детей и вывесили их головы на воротах Эльрада.

Пацан уже не орал, а жалобно скулил, когда от костра подоспел один из воинов. Матерый, здоровенный, он ничуть не уступал ростом пленнику, а разворотом плеч превосходил его.

– Отпусти, – короткое слово разнеслось по поляне не хуже раската грома.

Мне подумалось: именно таким голосом отдают приказы вожди. Да, похоже, этот воин в отряде и был вождем. И не важно, что всего лишь дюжины человек. Лицо, рассеченное шрамом наискось, седина в волосах и убежденность во взгляде.

– Зачем, кметь? Ведь я, по его словам, душегуб и насильник. Надо соответствовать.

– Будь ты простой убивец, проткнули бы твое сердце огненной сталью, и дело с концом. Однако кнесс пожелал лично судить тебя. Но учти: убьешь ученика – до владыки Верхнего предела доедет только твой труп, и плевать на все ука-

зы. За своих я мщу. Даже если этот «свой» – всего лишь вчерашний мальчишка.

Они посмотрели друг другу в глаза. Пристально, словно скрестили два меча.

У костра уже никого не было: все воины переместились к клетке. Я бы, может, тоже посмотрела, чем кончится поединок без слов и стали, сжигающий нервы похлеще кислоты, но я желала вещей гораздо более приземленных, чем духовная пища, а по журналистскому опыту знала, что сплетни, скандалы и свары относятся именно к таковой. Банально хотелось жрать.

Глава 2, она же вопрос второй: – Каковы ваши основные жизненные ценности и приоритеты?

Мясо на вертеле манило, звало, влекло. Истекающее соком, оно было непреодолимым соблазном. Как можно упустить такую возможность?

Я рискнула. Оставив свою поклажу в кустах, крадучись, по краю тени добралась до вертела, оставшегося без присмотра, и даже умудрилась беззвучно стянуть его с рогулин, обернув ладонь приспущенным краем рубахи, чтобы не обжечься. И тут один чересчур глазастый из охраны углядел-таки меня.

– Ах ты ворье!

Впрочем, это не первый случай из моей биографии, когда я слышала подобное. Все же в детстве и юности не крестиком вышивала. А посему план действий был четко отработан.

Одной рукой я подхватила подол, чтобы случайно не запутаться в нем, второй – горячий конец честно украденного вертела с мясом, и мы пустились в веселый забег по поляне. Если поначалу число ловцов было невелико, то едва узник отпустил пацана и малый заскулил, баюкая обожженную ру-

ку, вся охрана дружно ринулась на поимку бедной меня.

Зайдя на третий по счету круг, но так и не выпустив из рук добычи, я искренне пожалела, что у меня нет пулемета. Смогла бы душевно разрядить обстановку...

Увы, гепардом я тоже ни разу не была, а оттого перед мысленным взором уже маячила финальная ленточка моего забега: хорошая такая, из добротной стали двойнойковки.

Прыгнуть через здоровенной корень матерой елки-шатра, проутюжить коленями заросли яснотки, примять звездчатку на крейсерской скорости... Это я практиковала уже минуты три. А потом по курсу резко возник один из воинов с ножом в руке.

Бежать вперед – налететь на него. Слева заходили такие же кмети. А справа – клетка с узником, громоздившаяся на повозке.

Люди летать не умеют – это факт. Вернее, не умеют летать вверх. Вниз – всегда пожалуйста. Но, если прижмет, могут и взлет освоить. Меня прижало очень сильно. Потому я недолго думая выпустила вертел с добычей и, уповая на то, что рукава у меня и так гораздо длиннее положенного, оттолкнулась от земли.

Думать я в тот миг особо не думала, лишь понадеялась на то, что всполохи на прутьях сродни электрическим разрядам, только происходят не от физики, от местной магии. И если есть изоляция, то, может, и не шандарахнет.

Ноги работали споро: лестница из решетки вышла отмен-

ная. Руки через ткань цеплялись за прутья. Я вмиг оказалась на крыше клетки. Ринулась бы и дальше, но тут по ушам ударила воцарившаяся, будто по щелчку, почти безжизненная тишина.

Я медленно обернулась.

Никто уже не бежал, не ругался и не размахивал заточенной сталью. Все смотрели на меня, и во взглядах «зрительного зала» плескалось множество оттенков удивления: от полнейшего неверия до осознания какой-то им одним понятной жути реальности.

Я, сглотнув, опустила взор. Под моими ногами больше не пробегало сполохов. Такое ощущение, что клетку отключили от питания.

А снизу, задрав голову и в упор глядя на меня, усмехался узник:

– Спасибо за прикосновение, – чуть заметно кивнув, насмешливо провозгласил он. – Не думал, что развлечение будет столь интересным.

Запоздало развернула руки и посмотрела на собственные ладони. Обе были закрыты спущенными рукавами. Вот только поперек ткани у самого края одного из них зияла прореха.

Неужели я голой рукой схватилась за решетку? И почему же меня не закоротило?

Додумать не успела: звякнули цепи. Почувствовала, как подо мною дрогнула, а потом и вовсе накренилась клетка. Я полетела вниз и точно расшиблась бы, если бы в последний

момент не вцепилась в одну из перекладин.

Тем временем узник внутри не скучал, даже, скорее, наоборот. Охрана начала немедленное стратегическое наступление, правда, с направлением вышла заминочка: у всех синхронно сработала задняя передача.

Я думала, что видела в своей жизни то, чего в реальности не бывает: 3D-мастера в масштабах кинозала создадут и зомби-апокалипсис, и столкновение с астероидом. Но то – на экране, в уютном зале с попкорном и колой... А когда все это происходит в какой-то краткий миг в метре от твоего носа, а ты болтаешься, как всеми забытый штандарт...

Буквально один выдох – и клетка разлетелась вдребезги, явив миру не поджарого брюнета в заскоруждой рубаше и грязных штанах, а здоровенную крылатую ящерицу. Тварь тут же решила наглядно убедить всех, что она не просто рептилия с лопастями, и продемонстрировать другие свои технические характеристики – плевание огнем и удар шипастым хвостом. По итогам демонстрации этого аппарата со струей пламени, идущей из ротового раструба, точно определилась с зоологической классификацией животинки – дракон.

К счастью, я оказалась как раз за этой милой тварюшкой, ее туша отгораживала меня от воинов. А потом увидела и свой балласт почетного марафонца: вертел с мясом. Пока дракон споро прожаривал свою бывшую охрану, ужом скользнула за добычей.

Я философски решила, что, когда мужчины выясняют отношения, – женщине лучше молчать. А если молчать она не может – жевать. Поскольку ни дракон, ни кмети девочками не были от слова «совсем», из этого следовало, что мне не стоило мешать серьезному диспуту на мечах, стрелах и копьях с одной стороны – и уменьшенной версии работающего ракетного сопла – с другой.

Тихонечко отползла к краю поляны, не забыв прихватить с собой вертел. Пусть мясо уже изрядно поваялось на земле, я не сомневалась, что зверский голод – это лучшая из специй, и она сделает грязноватый уворованный кусок невероятно вкусным.

Едва оказавшись под пологом леса, у тех самых кустов, где начала вертелозахватническую эскападу, подхватила свои пожитки и припустила во всю прыть.

Впрочем, мне хватило ума держаться некоего подобия направления: я старалась, чтобы тракт совсем уж не исчезал из виду. А то, боюсь, что, потеряйся я в местных лесах, плутать мне до самой смерти. И искренне надеяться, что та не будет долгой: голодные волки, рыси да и медведи быстры на расправу.

Выдохлась быстро и до самой кромешной темноты просто брела. А потом, выбрав одну из елок, уселась под ее разлапистыми ветками и внимательно осмотрела добычу.

Ела медленно, стараясь тщательно пережевывать, причем не только пищу, но и события вечера. А поразмыслить было

о чем.

Получалось, что я незнамо как освободила преступника. Из оброненной драконом фразы про нападение следовало, что тут то ли идет, то ли только закончилась война. А крылатый огнедышащий агрегат – пленник. Правда, уже бывший.

Помимо прочего на задворках сознания скреблась мысль, которую я старательно гнала: главный в отряде в разговоре с узником упоминал о кнессе Верхнего предела. Похоже, это тот самый ферзь, которому надо передать мою печать.

«М-да, неудобно вышло... – подумалось вдруг. – Еще не успели мы познакомиться с кнессом, а я у него уже пленника увела и, кажется, отряд охраны поджарила...» Змея на моей шее чуть нагрелась, будто подтверждая мои умозаключения, что таки да, очень нехорошо. Некультурно.

Мысли вяло текли в голове, как облака по небу в полуденный зной, когда жаркое марево везде, даже в вышних чертогах. Глаза уже слипались, но я мужественно решила, что безопасность все же превыше возможности провалиться в сон хотя бы на четверть часа раньше. Превозмогая усталость, залезла на елку, правда, невысоко, и опять пристегнулась. Вот только сил затаскивать поклажу уже не было, и я решила, что пусть она квартирует внизу.

В сон провалилась, как в обморок: быстро и основательно. Ни сновидения, ни комары меня за ночь так и не потревожили. Зато пробуждение вышло на редкость неприятным.

Едва открыла глаза, как услышала внизу шуршание. Меня

нагло обворовывали! И кто? Вчерашний дракон!

Этот паразит сидел и жевал мое мясо! Мое! Я его честно отвоевала у толпы голодных мужиков! А наглый ящер... В животе громко заурчало.

Бывший узник услышал и поднял голову.

– Прекрасно выглядишь, – начал он как ни в чем не бывало, будто мы с ним уже весело провели ночь.

Хотя отчасти так и было. Если не уточнять, в чем именно это веселье заключалось...

– Да? – Я иронично изогнула бровь, сильно сомневаясь в правдивости комплимента одного наглого хмыря.

Страха, что передо мной, а точнее, в трех метрах подо мной сидит дракон (пусть и в человеческой ипостаси), не было. Если бы ящер хотел меня убить, то давно бы сделал это. Данная мысль придала мне смелости, как капля коньяка – отваги пьяной мыши, которой во хмелю и кот не страшен.

– Конечно, – не моргнув глазом подтвердил умыкатель мяса. – Ты выглядишь вообще замечательно, правда, для человека, который спал за свою жизнь один раз, без подушки и стоя. – Ящер замолчал, а потом, подумав, добавил: – К тому же не сегодня.

Я всегда считала себя девушкой чистоплотной. И сейчас во мне прямо-таки вспылала страсть к порядку. А начать захотелось с намыливания. Намыливания одной наглой драконистой шеи.

Но ради такого слезать было лень. А еще – немного страш-

но. Потому ограничилась ехидным:

– А господин дракон умеет делать комплименты, особенно если перед этим от души позавтракал дармовой едой.

От моих слов он аж закашлялся. Постучав себя по груди, ящер выдал:

– Между прочим, я тоже участвовал в добыче провианта.

– И как же? – усомнилась я.

Ремень мне удалось отстегнуть со второго раза. Затеکشую за ночь ногу тут же пронзила дикая боль.

– Я совершал отвлекающие маневры.

– А вот мне интересно, – уже сидя на суку, начала я, все еще кривясь от боли. – С чего такой душевный порыв? Ты же, насколько поняла, людей в целом не любишь.

– Не люблю, – согласился этот странный, я бы даже сказала, слегка чокнутый незнакомец. – Но тех людей, которые меня сторожили, я не люблю чуточку больше.

– Враг моего врага – мой друг? – уточнила я.

– Скорее оружие, – кивнув каким-то своим мыслям, не попад ответил дракон и резко сменил тему: – Слезай давай. Я оставил тебе поесть, – а потом нехотя добавил: – С-с-спасительница.

Причем последнее слово он почти прошипел, будто раскаленное железо опустил в воду. Я лишь пожала плечами. Действительно, не век же мне здесь сидеть, когда-нибудь спустаться все равно придется. Но перед сим ответственным шагом подозрительно уточнила:

– А если не слезу?

– Значит, будешь там сидеть, – как малому дитю, объяснил этот долбанутый на всю голову дракон, а потом, потеряв терпение, рявкнул: – Слезай! Я же с тобой и так по-хорошему разговариваю.

Вот тут я поняла, что вся его легкость и сумасшедшинка были напускными. Искусная маска, на которую я чуть не купилась. А что под ней?

Слезать как-то сразу расхотелось. Я даже крепко обняла ствол. Так, на всякий случай. Посмотрела на чернявую макушку внизу. Макушка явно злилась.

Нет. Определенно, я никогда не ошибаюсь дважды. Я делаю это раз пять или шесть, чтобы уж точно. Чтобы уж наверняка. И один чернявый дракон – тому подтверждение. Сначала, увидев его в клетке, подумала, что он обычный преступник. Потом – что он просто человек. Теперь вот решила, что этот ящер с чудинкой. Нехилой такой чудинкой, отдающей старой доброй шизофренией. Ан нет, тут, оказывается, имел место дар потомственного интригана и лицемера, почти цельный актерский талант: Станиславского на этого дракона нет.

– Слезай давай. И сними с меня этот проклятый долг! – под конец не выдержал ящер, показав свое истинное лицо.

К слову, оно было весьма недурное, особенно если умыть. Правильные, чуть заостренные черты, способные при смелом настроении в секундный срок превратить очаровательно-

го мягкого собеседника в чертовски опасного, решительно-го противника. Прямой нос, четко очерченные скулы и губы. Смуглая кожа – скорее дар не крови, а солнца, расцеловавшего лицо до бронзового загара. И глаза. Меня еще вчера поразил их цвет. При свете дня они имели оттенок гречишного меда. Сейчас же медленно становились золотистыми. Причем того холодного цвета благородного металла, что созвучен ярости, рвущейся наружу из моего утреннего гостя.

Ну почему всегда так: я искренне надеюсь, что это паранойя, а оказывается – нет. Просто отменно работающая интуиция. Вот и в случае с драконом сработала она, родимая...

– Слушай, а может, ты сам с себя его снимешь? А? Я даже морально в этом процессе поддержать тебя могу... – начала было я, но, увидев, как зло сузились глаза чернявого, сменила тактику: – Ну зачем тебе нужна какая-то сомнительная девка? Не супружеский же долг за тобой числится, чтобы для его снятия непременно нужна была я?

Потом вспомнила, что, кроме брачного, знаю еще один, и добавила:

– И уж точно не ипотечный!

– Чего? – недоуменно уточнил дракон, сбитый с толку.

А мне это и требовалось. Я готова была нести любую чушь, лишь бы отвлечь закипающего собеседника. А то еще опять превратится в динозавра на крылатой тяге и ненароком спалит все вокруг...

Решив, что недоумевающий дракон лучше свирепеющего,

я, чуть отлипнув от дерева, продолжила:

– Ипотечный? Ну ты ссуду на замок не брал? – собеседник медленно помотал головой. – А займы, чтобы прикупить особнячок, домик? – подумала, и, вспомнив, что брюнет еще и ящер, на всякий случай добавила: – Или пещеру?

– Пещеру? – Тут брюнет все же понял, что ему банально заговаривают зубы, и как следует саданул кулаком по елке.

Елка впечатлилась и затряслась. Основательно так. А я почувствовала себя перезрелой шишкой: то бишь полетела с ветки вниз. Закричать не успела, лишь подумала. Да и та мысль была короткой – из трех букв: «Все!»

Мой конец в воображении выглядел минимум – переломом позвоночника, максимум – еще и черепа. Причем второе – предпочтительнее, ибо летальный исход моментальный и не надо мучиться несколько дней. Но вот чего не ожидала – что ухну в объятия дракона, как в рыхлый сугроб.

Мужские руки мягко спружинили, подхватив меня. Прикосновение его чуть шершавых ладоней к моей коже, когда задравшаяся юбка съехала, обнажив икры, мое «ой!» – и через миг мы уже напоминали традиционный дуэт, какой можно увидеть на ступенях ЗАГСа: он несет, она сидит на его руках. Признаться, за свою жизнь я побывала в разных положениях: неловких, идиотских, иногда почти безвыходных. Но вот так, чтобы кто-то держал на руках... Отчего-то подобного не случалось.

Дракон пристально посмотрел перед собой, словно толь-

ко-только меня узрел. Хотя, если по правде, так близко мы видели друг друга первый раз.

Его дыхание касалось моего лица. Я чувствовала, как стучит под моей ладонью его сердце. А еще я разглядела едва заметный застарелый шрам у самой шеи. Как раз там, где оказалась ладонь второй моей руки. Неловко шевельнулась, и подушечки пальцев дотронулись до белесой нити давнего рубца.

Мимолетное легкое касание, от которого дракон вздрогнул не хуже чем от выстрела. У меня же перехватило дыхание, по позвоночнику пробежал холодок. Но буквально через мгновение ящер буквально кинул меня на землю.

Почувствовав под ногами твердую почву, я простучала зубами:

– С-с-спасибо...

Дракон угрюмо молчал, чем нервировал меня еще больше. Я поправила юбку, одернула рукава, сильнее стянула шнуровку ворота. Даже пятерней по волосам провела, будто эти нехитрые действия могли подарить мне каплю спокойствия.

А этот паразит все так же, не издавая ни звука, основательно лохматил мне нервы. Я передернула плечами. Что же, если переговоры провалились (в моем случае – в буквальном смысле), то стоит пойти на уступки, пока дипломатическое урегулирование вообще возможно. А иначе с крылатого ящера станется припереть меня к стенке, в смысле, к елке и

начать военные действия.

– Ты просил снять с тебя какой-то долг? – Выкать после той зажигательной вечеринки, в которой мы оба принимали активное участие, казалось абсурдным. – Но я не припомню, чтобы давала тебе взаймы. Может, просто с миром разбежимся по лесу? Он вон какой большой...

Дракон упрямо сжал губы. Через минуту звенящей тишины, которую разбавлял лишь комариный писк, брюнет сказал, как выплюнул:

– Я бы с превеликой радостью, но меня держит кровный долг. Вчера ты спасла меня, и пока я не отплачу тебе той же монетой, не смогу вернуться к себе. Мой дракон не поднимется в небеса. Его будет давить груз невозвращенного. Хотя вам, людишкам, этого не понять...

Своей последней фразой он смел коту под хвост всю ту веру в зачатки драконьего благородства, которая едва успела зародиться в моей душе. Впрочем, я проглотила обиду, желая поскорее избавиться от опасного собеседника.

– Слушай, ты меня только что спас: я падала, могла расшибиться насмерть, а ты подхватил. Это же считается возвратом долга? Все, мы квиты. Аривидерчи...

Дракон скривился, словно я подсунула ему под нос насквозь протухшее мясо, уверяя, что оно только что бегало.

– Я тоже так думал, – нехотя процедил он и добавил: – Но, видимо, провидение не считает спасением, если я сам виноват в том, что ты едва не умерла.

– То есть ты специально сначала чуть шею мне не свернул, а потом... – Я задохнулась от возмущения.

Была бы благородной девицей – залепила бы пощечину. Была бы мужиком – от души врезала бы по наглой драконьей морде. Но я в прошлом – пацанка. Посему изготовилась провести свой фирменный прием: стопой по колену, а потом пробить штрафной меж ног.

– Не советую, – за долю секунды до атаки прозвучал спокойный голос.

Когда я изумленно застыла, дракон продолжил:

– Я отступлю на шаг. Твоя нога, не встретив препятствия, уйдет чуть дальше, смазав удар, а ты начнешь терять равновесие. Взмахнешь рукой, которую я перехвачу и заломлю. А потом прижму тебя лицом к дереву, – и издевательски, с превосходством, добавил: – Это я на всякий случай обрисовал картину событий.

У меня возникло подозрение, которое стремительно начало перерастать в уверенность.

– И нет, мыслей я не читаю. Просто у тебя сейчас на лице все крупными рунами написано.

Вот теперь я разозлилась. Меня! Журналистку! Обвинить в том, что я банальна и предсказуема, как таблица умножения?! Ну, мужик, держись!

Я тоненько всхлипнула, потом завывала и... бросилась ему на грудь, отчаянно шмыгая носом и сморкаясь в рубаху оторопевшего дракона. Ну еще бы. Пустить слезу, пока горит

спичка, и не просто пустить, а устроить Ниагару в миниатюре – этого таланта у меня было не отнять.

Я сморкалась в рубашку дракона громко и уверенно, словно территорию помечала. Ящер пришел в себя через минуту, осторожно, как болезную, взял за плечи и отстранил.

– Впечатлен, – протянул он то ли с презрением, то ли с восхищением.

– А как иначе? – шмыгнула я носом, переходя на деловой тон.

Что же, этот субчик закален и женской влагой. Жаль. Но все же до брюнета дошло, что с сумасшедшими лучше договариваться мирно и честно, а то неизвестно, какую гадость они тебе приготовят в ответ на твою хитрость.

– Давай так, – начал было собеседник, и тут меня осенило.

– Слушай. Ты можешь снять с себя долг. Даже шкурой riskовать не надо. Но при этом меня ты точно спасешь, – вспомнила о клятве отнести один сволочной штамп, в смысле печать, кнессу Верхнего предела. И о том, что мне каюк, если не выполню зарока. – Надо всего лишь помочь мне добраться живой и невредимой до одного места и человека. Ну, по рукам?

– В какое место? – подозрительно уточнил дракон, словно знал на собственном опыте профессиональное журналистское коварство.

– Ты его точно знаешь... – туманно ответила я и поскорее протянула руку.

Брюнет словно змею увидел, но потом решительно сцапал мою кисть.

– Хорошо.

Наши ладони тут же окутало сияние, и дракон ошарашенно произнес:

– Небо приняло уговор за клятву...

Я, не менее удивленная, лишь прошептала себе под нос:

– Интересное тут нотариальное подтверждение договоров. Аккуратнее надо за руки хвататься.

Когда же сияние угасло, брюнет спросил:

– Так куда идти?

– К кнессу Верхнего предела.

Глаза дракона при этих словах полыхнули золотом, а я поняла: таки убьет. Весь остаток своей жизни по земле проходит, не выплатит долг, но точно пришибет.

Отчасти я его понимала: только на волю сбежал, а его прямиком к палачу посылают.

Впрочем, дракон стойчески выдержал хук судьбы в моем лице. Даже душить не начал. Но вот так выразительно посмотрел... Впору прикидывать, а не к лицу ли мне пеньковая удавка. Будь я честной, отзывчивой, доброй... в общем, не журналисткой по профессии, натуре и велению души, то непременно прониклась бы. Но, увы и ах, я лишь молча стояла и пережидала.

Глядя на ящера, поняла, что у настоящего мужчины молчание – самый громкий крик. Он не опустится до рукопри-

кладства, не обольет «ятями». Но вот ты стоишь, слушаешь тишину и понимаешь – все, баста!

Меня так поразила догма, которую я только что постигла, что я решила разорвать тишину и, глядя на брюнета самым жалобным взглядом, на какой была способна, промяукала:

– Прости.

Дракон выдохнул и закрыл глаза, словно смотреть на меня было выше его сил, а потом, круто развернувшись, направился прочь.

Отойдя на десяток шагов и поняв, что я все еще стою неподвижно, он бросил через плечо:

– Пошли. Раз поклялся отвести, значит, отведу.

Признаться, я не ждала такого быстрого воплощения плана в жизнь, потому и замешкалась.

Дракон, сцепив зубы, вернулся ко мне, подхватил мой узел, запихнул в него и рюкзак, что валялся под деревом, потом, легко закинув его на плечо, потопал куда-то вглубь леса. Я, ясное дело, припустила за ним.

Так мы и шли некоторое время. Молча. Я сопела, стараясь приноровиться к размашистому шагу провожатого, он глядел вперед.

Через час инстинкт самосохранения все же капитулировал перед извечным женским любопытством вкупе с профессиональными журналистскими рефлексам. Я решила задать вопрос. Для начала – нейтральный.

– Слушай, а как тебя зовут?

Дракон оглянулся, смерил меня еще одним взглядом из арсенала «жить надоело» и промолчал.

Я не унималась:

– Ну все же, как мне тебя называть?

Видимо, поняв, что женщину заставить замолчать можно тремя способами (причем патологоанатомы ратуют за самый кардинальный, а романтики – за самый чувственный), ящер выбрал самый быстрый. Просто ответил:

– Как хочешь.

– Ну что же, господин Какхочешь. У вас интересное имя, – сыронизировала я.

Подумав, что сама хороша – даже не представилась – решила исправить это упущение. Свое сокращенное имя – Шура – я не любила. Сколько раз кулаки в детстве сбивала, доказывая дворовым, что дразнилка к нему не клеится. Тетка Эльза его откровенно не переваривала, говорила, что ни «Саши», ни «Шуры» не несут в себе и намека на женственность. Официальное «Александра» красовалось только в подписях статей. А вот производное от него – Лекса – я любила. Тетя величала меня дома именно так.

– А меня можешь называть Лексой.

– Брок, – неожиданно буркнул месье Какхочешь.

«Ну Брок так Брок», – здраво рассудила я. Имя ему шло. Такое же сильное, уверенное. Раскат грома, не иначе. Да и хозяин ему под стать: высокий, широкий в плечах, с прямой спиной, черными волосами, спускающимися чуть ниже ло-

патов и с боков заплетенными в косицы – на эту картину я любовалась вот уже битый час.

Ноги устали, в горле пересохло и саднило. Неимоверно хотелось пить, но я упрямо топала следом за провожатым, думая, о чем бы еще спросить. Все же журналисты, – до последнего вздоха журналисты.

Комариное воинство кружило над моей головой, намекая на «фуршет». «Обеденный стол» в моем лице отмахивался, а иногда и отправлял в мир иной самых наглых. Наконец я не выдержала и взмолилась:

– Брок, подожди.

– Чего еще? – недовольно буркнул дракон и развернулся ко мне.

– Дай перевести дух, я сейчас схохну.

На что этот ящеристый гад тут же нашелся с ответом (а ведь когда его спрашивали – слова клещами приходилось тянуть!).

– Не переживай. В случае если ты умрешь, я все равно выполню клятву и дотащу твоё тело до ворот крепости Верхнего предела.

– Мы уговаривались о доставке живой и невредимой, – напомнила я, с кряхтеньем, точно старая бабка, опускаясь на валежину.

Брок недовольно поморщился. Я же возрадовалась, что сумела так точно сформулировать свою часть договора. Ноги все никак не желали отходить, в отличие от языка, кото-

рый толком-то и не устал. Потому у меня на его кончике уже вертелся очередной вопрос. Но прикусить сей орган, часто сравниваемый с помелом, я не успела.

Дракон же, видя, что его «обуза» вставать пока не собирается, сгрузил поклажу на землю и, присев, вытянул ноги.

Ровно в этот момент с моего языка сорвалось:

– Слушай, Брок, а там, под елкой, что это было? Ты сначала выглядел таким... – Я замялась, подбирая точное слово. «Чудаковато» прозвучало бы обидно, а потому я охарактеризовала его исключительно по-девичьи: – Милым...

Закрепляя эффект, похлопала ресничками и смущенно улыбнулась.

Дракон вздохнул.

– Просто я притворялся, Лекса. – Мое имя в его устах прозвучало как-то непривычно. Холодно. Отстраненно. – С вами, людьми, обман всегда срабатывает. Вы отчего-то не желаете верить правде. Впрочем, и говорить оную – тоже. Оттого-то и подумал, что, если притворюсь безобидным чудачком, будет проще договориться. Но не вышло.

– Если бы до этого не видела тебя в шкуре и с крыльями, могло бы и сработать, – льстиво заверила его.

Как ни странно, но внутренне вздохнула с облегчением. Отменный актерский талант у попутчика все же лучше, чем раздвоение личности.

– А ты... – начала было я, но Брок оборвал:

– Слушай, сиди уже, отдыхай и не лей мне в уши свои

вопросы, – в сердцах выдохнул дракон.

Я поняла: если хочу услышать ответ на следующий вопрос, как ни странно, действительно надо заткнуться и переждать. Этим я и занялась.

Солнце припекало, марево опускалось на лес, и тут я почувствовала, как над моей головой проплывает не просто большая, а здоровенная туча. От ее тени стало не по себе.

Задрала голову и, не в силах сдержать удивления, ахнула.

Над нашими головами высоко, среди самых легких перистых и кружевных, как молочная пенка, облаков, проплывала армада. Более точного слова я не смогла бы подобрать.

Не туча, потому что таких плотных туч, пусть и грозowych, с прожилками черни на сером теле, не бывает. Не назвать ее и пузом здоровенного линкора из верхних слоев атмосферы, который что-то забыл на грешной земле, – ибо слишком равны были края, да и само брюхо напоминало перевернутый горный пик.

Вырванный кусок земли – пришло на ум самое точное сравнение. И этот парящий меж летних облаков остров накрывал своей тенью вершины леса, загораживал палящее солнце, что вызолотило лучами все окрест, даже под плотной листвою дубовых крон. Плывущий над нашими головами в бездонной сини неба горный хребет показался страшным до жути. Он чуть качнулся в вышине и стал снижаться, на глазах увеличиваясь в размерах. Я сразу уверилась, что вот сейчас он непременно грохнется. И прямо на меня.

Что бы сделала любая до смерти испуганная девушка в моем положении? Наверняка укрылась бы от бед за единственным на всю округу широким мужским плечом. В смысле, села бы обладателю оных широких плеч на шею. И пусть этот сильный и отважный разбирается с проблемой.

Но то ли я была не совсем адекватная, то ли дракон не вызывал у меня доверия... А может, всему виной моя профессия, в которой легкие и быстрые ноги, умеющие шустро удирать, ценятся так же высоко, как и легкий слог.

Я резво вскочила, пулей подлетела к своему узлу, лихорадочно сграбастала его и, пискнув недоумевающему Броку: «Беги!» – припустила прочь.

Неслась, не разбирая дороги, лишь изредка задирая голову, чтобы убедиться: эта громадина все еще надо мной. Тем более неожиданным оказалось столкновение. Я на полном ходу во что-то влетела. От удара грудь обожгло болью – столь твердокаменной показалась преграда. А потом крепкие руки с силой взяли меня в кольцо.

Передо мной стоял Брок. Холодным, слегка заинтересованным голосом с толикой ленцы он спросил:

– Ну что, отдохнула? Раз так резво понеслась прочь?

Не сам вопрос, а та интонация, с которой он был задан, подействовала на меня почище ледяного водопада. Я как-то враз вспомнила, кто я, где я... В общем, удирательный запал схлынул, остался лишь страх.

Я задрала голову и, указав взглядом на небо, выдавила из

себя:

– Там...

– Ты что, никогда парящей твердыни не видела? – Вот сейчас в голосе Брока было столько удивления – хоть половником черпай.

Я нашла в себе силы лишь помотать головой. Зато ящер отчего-то с облегчением выдохнул. И даже соизволил пояснить почему:

– А я подумал, что ты решила удрать от меня. Рассудила, что с кровожадным драконом, врагом рода людского, не стоит уповать на прочность клятвы, пусть та и скреплена небесами...

Он говорил отрывисто, жестко усмехаясь, и все никак меня не отпускал.

– Я просто жить хотела и не знала, что эти ваши твердыни только парят и не падают...

Последняя, к слову, действительно опустилась еще ниже и, едва не пощекотав брюхом макушки столетних сосен, снова начала неспешно подниматься.

Дракон препарировал меня взглядом, потом медленно, с расстановкой, произнес:

– О парящих твердынях знают даже младенцы. Каждая вторая колыбельная – об островах, что легче облаков. А ты говоришь, что в первый раз видишь... Кто ты такая? Ты вчера походя впитала в себя магию охранного контура, над ней трудились три сильных мага, чтобы заклинание сумело меня

удержать. Ты говоришь странно. А сейчас вот утверждаешь, что не знаешь самых простых вещей. Кто ты?

Последний вопрос он задал так, что я помимо собственной воли захотела ответить. Будто какая-то неведомая сила давила на плечи и шептала: склонись, подчинишься, прими его власть. Но только дураки и мудрецы не слушают посторонних советов.

Увы, я была из их числа и надеялась, что все же отношусь не к категории тех, кому всегда везет, а к просветленным знаниями. Помимо этого я толком не представляла, что ему сказать: проблеять про техногенный мир и свою кончину? Про то, что у меня на шее змея свернулась в металлическое кольцо? Про мертвых обозников и разбойников?

Мыслей было много, но слова застряли в горле.

Я сглотнула, ощутив, как рука дракона схватила меня за волосы, заставила запрокинуть голову и посмотреть ему прямо в глаза.

– Мне повторить вопрос?

Он держал крепко, а мне захотелось завывать от бессилия. Я шумно втянула воздух. Так, главное – не паниковать. Только не паниковать!

Нужно найти те слова, которые его успокоили бы. Один неверный взгляд, вздох, положение рук – и Брок сорвется. Я медлила, составляя единственную нужную фразу, но дракон, похоже, речам предпочитал действие. Или подумал, что я выбрала упрямое молчание, и решил заставить говорить

иным способом?

Он притянул меня еще ближе. Настолько близко, что дыхания смешались.

– Скажи, чего ты боишься больше всего? – Брок заглянул в мои глаза, словно искал ответа.

Я непроизвольно попыталась отстраниться, и это выдало меня с головой.

Нет людей, которые ничего не боятся. Есть те, кто умеет прятать свои страхи глубоко и далеко, посыпая песком времени, скрывая барханами, пряча в этих дюнах свои тайны, чтобы в повседневной суете их не сумел найти никто – даже они сами. Но страхи живы до последнего удара сердца их носителя. А иногда, под покровом темноты, они вылезают, как твари из бездны, чтобы напомнить о себе.

Сегодня, в ясный солнечный день, я почувствовала, что вокруг – чернильная мгла. И мне надо победить даже не дракона, а именно эту темноту, иначе она просто сведет меня с ума.

В страхе жить нельзя. Можно только существовать. Да и то – недолго. Если страх будет стоять у тебя за плечом, постоянно нашептывая на ухо, он высосет из тебя жизнь. И не по капле, а шумными большими глотками, с причмокиванием.

Я уже было открыла рот, чтобы сказать первое слово оформившейся речи, но в последний момент передумала. Страху не надо смотреть прямо в глаза, его нужно бить на-

отмашь. Если Брок считает, что может напугать меня, то в моих силах его удивить.

Его вторая рука уже скользила по моему бедру, задирала ткань все выше, намекая, что дракон на этом не остановится.

В голове сложится пазл: вот Брок с ненавистью утверждает, что не насильник, вот он мгновенно ставит меня на землю, словно замарался, прикоснувшись к моей коже... Его уничижительное «людишки» и «с вами срабатывает лишь обман»... Не будь я абсолютно уверена, что все происходящее – лишь актерская игра, что дракон не станет меня насиловать (и вовсе не из-за благородного воспитания, а исключительно из презрения), то не решилась бы. А так...

Я прильнула к нему. Сама. Требовательный поцелуй, который больше всего напомнил укус. Губы обожгло, а на языке заиграл вкус вина и перца.

Не успела уловить момент, когда напрягшийся, замерший словно статуя дракон вдруг, вместо того, чтобы отпрянуть и начать отплевываться – ответил.

Потом был его рваный вздох, пальцы уже не сжимали волосы, а лишь придерживали мой затылок, чтобы не отстранялась, чтобы продолжала.

Вот тогда я испугалась, что все же просчиталась. От моего испуга тело Брока вздрогнуло. Он сам отстранился, жадно глотая ртом воздух, словно вынырнул с глубины. Да и я была ничуть не лучше. Тяжело дышала, от страха подгибались колени.

– Ты ненормальная, – только и выдохнул дракон.

– Сам не лучше. Думал, запугаешь? – взорвалась я. – Но все же отвращение оказалось сильнее. Не так ли?

– Победила, – честно ответил дракон. – Да, я та еще сволочь. Я просто хочу узнать правду, но связан этой проклятой клятвой. Я не могу причинить тебе вреда. Лишь напугать, перешагнув через себя, сыграв роль насильника. Но ведь именно так вы, люди, о нас и думаете. О каждом из нас.

– Белый лист, – выпалила я.

– Что? – не понял Брок.

– Я белый лист. На мне нет отметин ненависти к твоему крылатому племени, нет ни строчки, что писалась бы кровью драконов, никто из твоих родичей не жег меня огнем, я не участвовала в ваших войнах и интригах, я не знаю ровным счетом ничего. Это все, что я могу тебе сказать. Ах да, еще, если мне не удастся попасть к одному долбаному кнесу, я умру. А остальное – клятва, и по ее условиям я не могу ничего сказать, даже если бы захотела. – Последнюю фразу я добавила чисто интуитивно. Ведь если эти клятвы сродни закону, значит, они могут не только карать и загонять в кабалу, ими можно и прикрыться.

Брок посмотрел на меня с сомнением. А потом – я не поверила своим ушам – извинился:

– Прости.

– Простить?

Он упрямо сжал губы.

– Я не питала к тебе лютой ненависти, как ты отчего-то считаешь, – помолчала и добавила: – До этого момента. Но сейчас, чтобы простить... Расскажи о себе, о мире, возможно, когда я пойму тебя, мне легче будет это сделать.

– Поклянись, что ты не шпионка и не убийца, – вместо того, чтобы согласиться, потребовал Брок.

Как?! Как этот расчетливый манипулятор, что спрятался в сильном накачанном теле воина, умудряется гнуть свою линию? Даже когда проиграл?

Да такими, как Брок, управлять в сто раз тяжелее, чем автомобилем! Нет, я всегда знала, что при вождении за нос мужчин не прокатят купленные у гаишников права. Тут нужно соблюдать все правила, чувствовать сцепление, плавно нажимать на газ. Всегда помнить, что руля нет и тормоза слабые. Да еще и на поворотах часто заносит налево. Но даже с соблюдением всех предосторожностей я на недавнем тест-драйве полностью убедилась: авто по имени «Брок» едет туда, куда нужно ему, а не рыжей девице, что возомнила себя его водителем.

Я лишь покачала головой. Иногда, чтобы добиться своего, стоит уступить. Отдать малое, чтобы перехватить управление.

– Клянусь, чем хочешь тебе клянусь, что я никакая не наемная убийца и не шпионка.

Едва договорила – меня окутало сияние. Похоже, что у этого мира странная реакция на некоторые слова. Решила

проверить догадку:

– Клянусь...

Я снова засветилась.

– Клянусь...

Опять стала напоминать включенную лампочку Эдисона.

– Кля...

– Хватит! – рявкнул дракон, заставив меня застыть на месте с приоткрытым ртом. А потом, резко сменив тон на подозрительно-нейтральный, начал: – Ты не против, если я скажу пару слов о твоей родительнице?

Я настороженно уточнила:

– Что именно ты хочешь сказать о моей маме?

– ...Ты что творишь! – выдохнул Брок. – Нельзя все произносить клятвы!

Тут он тоже засветился, словно блик солнца, и зло сплюнул.

– Ты не просто произносишь слова, сотрясая воздух. Ты обещаешь что-то этому миру, его духам. Свет – лишь сигнал того, что они тебя услышали... Твой зарок. – Дракон старался говорить так, чтобы избегать злополучного слова «клятва». Хотя, как я убедилась из опыта, иногда местные шайтаны слышали обещание безо всяких сигнальных слов. – Поэтому, если ты его не выполняешь, то в зависимости от тяжести вины духи забирают дни, годы твоей жизни или всю ее целиком.

– Забирают? – Кажется, я начала понимать, каким именно

образом могу лишиться жизни повторно, если не передам кнессу змеевну.

– Да, если человек призвал духов в свидетели и не выполнил зарока, то они забирают отпущенное ему время. Дети навии им подпитываются, чтобы стать сильнее или оставаться в этом мире, а не в загробном.

«Вот тебе и цена слова. Здесь она измеряется не в рублях за журнальный разворот, а куда точнее: в секундах собственной жизни!» – подумала невесело.

Горестные мысли были плохи еще и тем, что у меня всегда во время их пребывания в голове отчего-то начинал возмущаться желудок. Как я полагала, оттого, что наглые «квартиранты» требовали от организма ценные калории, необходимые для думательного процесса. А последние порою добывались хозяйкой с боем, и расходовать их на подобную ерунду было кощунством. Хотя, может, я подсознательно старалась «заесть» мрачность бытия?

Так или иначе, но я поняла, что очень скоро драконятина покажется мне питательной, вкусной и деликатесной. Я даже как-то особо плотоядно уставилась на гипотетическую рульку...

Брок, будто почуяв, что на его голяшку может быть совершено покушение с покусанием, насторожился.

Голод съедал меня изнутри и рвался наружу. Некстати всплыло из памяти, что ела я вчера, а уже близится обед. Да и этот сумасшедший забег по лесу никак не способствовал

насыщению, даже наоборот.

А потом вспомнила, что в моем узле еще лежат остатки честно отвоеванного вчера мяса. Только где я обронила свою поклажу? Поискала взглядом куль. Он обнаружился недалеко, в зарослях травы. Видимо, тюк выпал у меня из рук и откатился, когда я врезалась в Брока.

Не говоря больше ни слова, целенаправленно двинулась к узелку. Бережно развязала его концы и, развернув лист лопуха, достала мясо.

– Ты собираешься есть? – удивлению дракона не было предела.

Кивнула, уплетая за обе щеки.

– Я молодой, почти растущий организм, – начала бубнить, старательно пережевывая.

Дракон смотрел на меня серьезно. Чересчур серьезно, а потом улыбнулся. Мимолетно, всего на долю секунды. Но когда Брок заговорил, его голос был столь же морозно-спокоен, как и взгляд:

– В твоём возрасте и правда еще растут. Хотя чаще уже не в высоту, а в толщину. А некоторые чересчур любопытные и вовсе исключительно в талии. Да и то временно. Месяцев девять.

– Да что бы ты знал о моем возрасте! – Как истинный журналист, я выбрала для ответного удара самую удобную часть фразы Брока.

– Не знаю, но догадываюсь, – скрестив руки и опершись

плечом о ближайший ствол, заметил дракон. – Весен шестнадцать, наверняка не больше.

Его слова, как чемодан с двойным дном: вроде и знаешь, что с подвохом, но не злишься. Я понимала Брока и как журналист, и как человек: дракон хотел хоть что-то узнать о той, с которой был связан клятвой. Пусть сначала мелочи: возраст, отношение к простым, повседневным вещам. Ведь именно из таких незначительных деталей и складывается суть человека.

– За шестнадцать – спасибо, но вообще-то мне двадцать четыре.

– Правда? – делано удивился ящер. – А под слоем грязи и не видно...

– Вот скажи, ты специально учился так сыпать комплиментами?

– Нет, это врожденный талант, – в тон мне, с ехидцей ответил дракон.

– Ну раз ты у нас такой талантливый, будешь голодным, – заключила я, доедая последний кусок. – Чтобы отяжелевший сытый желудок ненароком не придавил твой чудный дар.

Собеседник на это лишь ухмыльнулся. Видимо, утром, пока я спала, изрядно успел подзакусить, и терзания по поводу обеда были ему пока чужды.

– Вижу, что ты и отдохнула, и поела, – вынес вердикт Брок, оглядывая меня. – Тогда пошли.

Я лишь вздохнула и потопала за провожатым. Вот только

наш путь сейчас разительно отличался от угрюмо-молчаливого утреннего.

Нет, Брок не болтал без умолку, но хотя бы отвечал на вопросы. Причем не односложно. А это в нашем случае – большой прогресс. Я спрашивала обо всем. Единственное, чего не касалась, – темы войны. Хотя, не скрою, хотелось узнать о ней до жути. Но, как я поняла, это было такое минное поле, на которое без спецподготовки соваться не стоило.

Глава 3, она же вопрос третий: – Как охарактеризовать все это в двух словах?

Узнала я немало. Порою даже украдкой включала диктофон, выуженный из рюкзака, что ныне обретался в куле с одеждой, чтобы записать некоторые объяснения. На сей раз Брок потерял свое благородство и куль тащила я. Оттого незаметно достать боевого цифрового соратника труда не составило.

Оказалось, что в этом мире границы проходят по меткам земли – рекам и горам – лишь у людей. Небо же – вотчина исключительно драконов. Испокон веков их крылатые сыны рассекают облачную высь, а живут на парящих твердых – островах. Там найдется место и скалам, и равнинам, и даже озерам. На мой справедливый вопрос: как все это уместить на одном клочке суши, пусть и весьма внушительном, Брок лишь хмыкнул. Но я пиявкой вцепилась в спутника, и он пояснил: если снизу твердыни практически все одинаковы, то сверху... чем сильнее энг, тем обширнее его владения.

Я долго вертела последнюю фразу в голове, пока не вспомнила о пятом измерении. Вернее, о тех фокусах с расширением пространства, которые современная наука двадцать первого века провернуть пока не в силах, хотя и рьяно меч-

тает. Впрочем, грезит об этом феномене не только наука, но и столичные риелторы. Последние даже порой почти воплощают сие волшебство в жизнь, умудряясь разместить на пяти квадратных метрах двадцать пять таджиков.

Но если этот энг, как я поняла со слов Брока – правитель твердыни, – умирал, то что происходило с его «расширенным пространством»? Сворачивалось до первоначальных размеров?

Когда я высказала свою мысль, Брок долго хохотал.

– Нет, конечно. Даже после смерти энга долина останется долиной, а горы – горами. Ведь чтобы их создать, верховный дракон отдает часть себя. А умирая – растворяется в твердыне. Именно по такой незримой связи энг всегда находит свой парящий оплот. Идет к нему по зову, как на свет маяка, сколь бы далеко ни занесли дракона его крылья. И наоборот – твердыня стремится к своему хозяину...

– А кто живет на этих твердынях?

– Как кто? Драконы, конечно.

– И много? – Меня одолел журналистский азарт.

– Соглядатничаешь? – подозрительно уточнил Брок.

– Нет, любопытствую. Исключительно по-женски, – улыбнулась я, пряча в складках ткани диктофон.

– Ну-ну, – не поверил дракон, но все же ответил на вопрос: – Немало. Парящие твердыни – наш дом, наша земля, наша держава. И пусть это не цельный материк, а острова, наша связь прочна кровными узами. Мы едины духом, не то

что ваше лоскутное одеяло.

Что именно под этим самым «одеялом» имел в виду Брок, я поняла чуть позже: на земле – вотчине людей – было множество урядов. Равнинники, верхние, болотники, горяне, песчаники – будто заплатки на лоскутном покрывале. Они вечно воевали меж собою за приграничное поле или лес, озеро или деревеньку. Хотя часто заключались союзы – двое кнессов братались против третьего.

Но так среди людей водилось не всегда. Когда-то и человеческое племя было единым, а потом... Впрочем, не только люди и драконы делили этот мир. Имелись еще и подземники. Границей с ними считалась земная твердь. Бородатые карлики выходили на свет солнца редко. Чаще всего – чтобы обменять дары рудных жил на урожай, выращенный под небесами.

Церги, или гномы, были теми еще хитрецами и плутами. С людьми особо не якшались. Зато и войн с родом человеческим эти норники не вели. А все потому, что карлики, в случае чего, тут же ныряли в свои штольни, и выковырять их оттуда не имелось никакой возможности. А направят отряд – так обвалы дело нехитрое. Магия же в подземном царстве не действовала: вся уходила в землю.

– Поэтому воевать с цергами заклинаниями бессмысленно, – и столько затаенной боли и отчаяния было в этой короткой фразе Брока, что после нее тишина повисла надолго.

– А кто еще тут есть? Феи, эльфы...

Я замолчала на полуслове, наткнувшись на внимательный взгляд золотистых глаз.

– Эльфы?

– Ну да. Длинноухие, тощие, в лесу живут, из лука стреляют... – Я старательно вспоминала приметы классического эльфа. Почему-то у меня он ассоциировался с недокормленным Орландо Блумом.

– Длинноухие есть. Только они не в лесах. В море.

Мое богатое воображение сразу же пририсовало белобрысому герою «Властелина Колец» жабры и пару ласт. И как-то я в момент в местных эльфах разочаровалась.

– Но я бы не советовал тебе к ним соваться. Злопамятные, надменные... Как-то был у них с посольством. Так одна приветственная речь длилась почти целый день, до захода солнца. А потом была наша, ответная, столь же краткая, – мстительно добавил Брок.

– Как же ты под водой дышал? – не поняла я, но про «посольство» пометку в голове сделала.

– А я и не говорил, что они в самой воде плавают. У них на дне купола воздушные. Соединены словно соты. На тысячи дней пути простираются по морскому дну.

Я все же не утерпела. Сложила все, услышанное от Брока, припомнила его слова о том, что твердыня тянется к дракону, как и он к ней, присоединила слова о «посольстве», добавила реплику одного из охранников «был бы ты простым...» и ровно в середине описания ящером эльфячьего радушия

невзначай задала вопрос:

– И тебе, энгу, эльфы не выделили отдельных покоев?

– Нет, они заверили... – начал было Брок и споткнулся о мой вопрос, как об извилистый древесный корень.

– Догадалась-таки, – раздосадованно хмыкнул он.

Я, до жути довольная собой, кивнула: все же сумела собрать из разрозненных обрывков, цветных и черно-белых, часть картины по имени «Брок». Значит, он действительно не простой дракон, а этот самый энг.

– Та твердыня, что чуть не грохнулась на нас, – твой остров?

– Она бы «не грохнулась», как ты изволила выразиться.

Просто опустилась, сколь могла низко. Но я, пока не отдам долг, не могу взлететь. Истинный облик принять под силу, а взлететь – нет.

– И эта «тучка» теперь будет над нами висеть? – насторожилась я.

Да... С такой рекламной поддержкой в виде парящего острова-транспаранта прятаться смысла нет.

– Не будет, – отрезал Брок и, резко сменив тему,скомандовал: – Привал.

За разговорами я не заметила, как наступил вечер. Солнце склонилось к горизонту, окрасив все вокруг в тревожно-малиновый цвет. Заря одновременно и пугала, будто шептала душе спрятаться, затаиться, и манила неведомым: загляни, поверь в чудеса и сама стань частью этого чуда.

– Разведи костер, а я добуду ужин. – Брокку были близки не красоты таинственного вечернего леса, а вещи гораздо более прозаичные.

Пара секунд – и он действительно ушел. Развернулся и растворился в чаще. Так, что ни один лист на ветках не дрогнул. А я осталась одна. Оперлась спиной о ствол, словно кто-то ослабил натянутую внутри меня струну. Усталость навалилась на плечи, придавила. А потом я запоздало вспомнила, что понятия не имею, как разжигать этот самый костер. Да и из чего.

Мучилась я долго и, подозреваю, что со стороны выглядело это весьма извращенно. Но поскольку отходить далеко боялась, то натаскала сухих веток. Сложив хворост в «пробник кургана», я окончательно пригорюнилась. Первый раз в своей жизни пожалела, что не курю. Зажигалка сейчас была бы как нельзя более кстати.

В тот момент когда вернулся Брок, тащивший добычу, я так и сидела, с ненавистью глядя на горку сухих веток, которые должны были стать костром.

– Пытаешься испепелить взглядом... Похвально, конечно, но огонь добывают немного другим способом.

Нельзя злить уже злую женщину, иначе окажешься не просто в луже, а по шею в воде. В воде Стикса.

– Например, наступить на хвост чересчур языкастому дракону? – нарочито заинтересованно спросила я.

– Зачем? – не понял Брок.

– Чтобы огнеструйный ящер от неожиданности плюнул сгустком пламени и наконец-то поджег этот сушняк. Ведь из нас двоих именно ты имеешь талант к поджигательству.

– Зато маг из нас двоих – ты, – парировал Бок.

– С чего это я маг?

– А как ты нейтрализовала плетение клетки?

Я лишь восхитилась пронырливостью одного ушлого ящера. Если ему прямо сказали, что я не могу ничего о себе поведать, так он решил вызнать все обходным путем.

– Я ни разу не маг. И являюсь только счастливой обладательницей одного родового проклятия.

– Интересно, какого? – сложив руки на груди, любопытствовал дракон.

– «Жить на одну стипендию», – в тон ему выплонула я.

Дракон завис. А я наконец-то разглядела его «добычу» и, не удержавшись, протянула:

– Ты издеваешься?

Увы, Брок не издевался. На меня мертвыми выпученными глазами смотрела суровая здешняя реальность. Дракон и вправду добыл еду. Ну, во всяком случае, принесенное было белкового происхождения и еще недавно бегало. Даже со свернутой шеей оно агонизирующе дрыгало лапой. Склизкой короткой лапой.

Я с сомнением разглядывала гипотетический ужин, и отчего-то приобщаться к изыскам французской кухни мне хотелось все меньше и меньше.

– Слушай, а эта... – замялась, подбирая подходящее слово. Туша размером с крепкое мужское бедро больше всего походила на тритона. Раскормленного такого на харчах, облученных радиацией. – ...Твоя добыча. Тебе ее можно есть?

– Почему нельзя? – изумился Брок.

– Ну вдруг это будет считаться актом каннибализма? Ведь он... она... – Я никак не могла определиться, и решила поступить, как Фурсенко с «кофе»: – Оно чем-то напоминает дракона.

Я не лгала: тело добычи покрывали кожистые наросты и складки. Конечности – короткие, мощные, венчали огромные когти. Широкий длинный хвост с шипастым наростом на конце в два раза превышал длину самой твари. А пасть со свешенным раздвоенным языком радовала мир двумя рядами мелких и острых зубов.

В общем, милая до жути зверюшка, способная с легкостью перекусить мою ногу. Сплошной дракон в миниатюре, только склизкий и без крыльев.

Брок закашлялся.

– Лекса. – Его губы произнесли мое имя и не смогли скрыть незлобивую усмешку. – Поверь мне. У тебя гораздо больше общего с морковкой, чем у меня с болотным жбыхом.

Я лишь хмыкнула над его «морковкой». И этот туда же! А вроде серьезный взрослый энг... Сразу же вспомнились дворовые дразнилки «рыжая-бесстыжая», «ржавая-корявая», которых я с лихвой собрала за свою лисью шевелю-

ру. Оттого сравнение моих рыжин с морковкой не тронуло. Зато вторая часть его фразы про болотного жбыха заставила насторожиться.

– Так нет же вокруг никаких болот... – растерянно огляделась вокруг.

– Здесь нет. А чуть дальше начинаются топи. Вот этот... – тут Брок пнул тушу, – из них и выполз. Решил поохотиться на меня, пока я промышлял водяного зайца.

Мне стало любопытно: и как же Брок голыми руками хотел добыть упомянутого зайца? Как оказалось, дракону для такого ответственного дела руки были совсем не нужны. Достаточно и хвоста. Последним, к слову, и досталось по голове незадачливому жбыху, который вроде бы прицеливался зубами в ногу человека, а впился уже в ляжку дракона. Полагаю, это было последнее воспоминание болотника.

– Слушай, может, ты тогда и костер разожжешь? – вернулась я к проблеме обогрева.

Дракон натурально возмутился:

– Я тебе что, кремь с кресалом?

– А тебе сложно? – парировала я с выражением незамутненной невинности: ни капли сарказма в голосе, лишь искреннее удивление напрочь опероксиденной блондинки. – Если стесняешься, я даже отвернуться могу...

Увидев искреннее изумление на лице Брока, пояснила свою мысль:

– Ну вдруг ты стесняешься... раздеться, чтобы перевопло-

титься...

Когда из в общем-то человеческой глотки вылетел натуральный драконий рык, я поняла: довела. Достала до самых драконьих печенок. А после того как Брок, не меняя ипоста-си (лишь чуть, словно марево, дрогнули черты лица и на скулах обозначились костяные пластины), плюнул в мой шалашик из веток огнем...

Я искренне взмолилась, чтобы этот самый занявшийся курган из хвороста не стал для меня погребальным. Ибо клятвы – клятвами, но не факт, что они устоят против засти-лающей глаза злости. К тому же кто этих местных духов знает, может, у них существует амнистия по смягчающим об-стоятельствам: состояние аффекта там и прочее...

Пламя весело затрещало, Брок, повернувшись уже напо-ловину одраконившимся лицом ко мне, вкрадчиво, вырази-тельно поинтересовался:

– Все?

Я лишь сглотнула и активно закивала, подтверждая: таки все. Дракон резко развернулся и хотел было уйти, но я не удержалась и окликнула:

– Бро-о-ок!

Он медленно, как на шарнирах, развернулся и выжидаю-ще уставился на меня.

– Брок, извини. Хотя я и не знаю толком, в чем моя вина, но извини... Я что-то не то сказала?

Дракон тяжело выдохнул.

– Ты сказала и сделала все абсолютно не то. – Он не сводил с меня взгляда, и я чувствовала себя крайне неудобно под прицелом золотых глаз. – Лекса, драконье пламя – это оружие. У вас, людей, святы боевые клинки. А просить меня разжечь костер... все равно что просить нарезать кровяную колбасу родовым мечом, тем, на котором присягают в верности и чести кнессу...

– Я не знала...

Раскаяние – редкий гость в моей душе – сегодня вечером решило-таки не просто нанести визит, но и от души отужинать.

– Как приготовить болотника, я полагаю, ты тоже не знаешь? – с обреченностью спросил Брок.

Что ж, сегодня я, похоже, перевыполню свой личный план по печальным вздохам.

Ящер, будто смирившись, что ему досталась на диво непутевая «спасительница», предложил:

– Хотя бы найти два прута для обжарки у тебя способностей хватит?

На том и порешили. Как истинный журналист, я не только раздобыла два прутика. Нет, я, добыв их из поросли, так ободрала эти «липки», что Брок с трудом узнал в них «первоисточник». Больше всего они напоминали мочалки, насаженные на пики. Комели я даже пару раз кусала – столь сильно не хотели молодые деревца прощаться со своими корнями. Зато острые верхушки были что надо.

Дракон, увидев мои «прутики», выразительно хмыкнул... и, завернув мясо в лопухи и обмазав их глиной, положил «полуфабрикат» в прогоревшие угли костра.

Пока еда запекалась, а над поляной витал дразнящий аромат, я занималась самообразованием: про то, как выживать в каменных джунглях, я знала все «от» и «до». Где соврать, когда промолчать, как драпать... Но здесь, среди лесов, в мире меча и магии, я была точно слепой кутенок. И это ощущение беспомощности грызло изнутри. Я его ненавидела.

Так ушла в свои мысли, что опомнилась лишь тогда, когда рядом со мною, подозреваю, что повторно, прозвучало:

– Ну же, держи.

Надо мною навис Брок. В одной руке он держал запеченный кусок, надо полагать, предназначавшийся мне, во второй – уже обглоданную кость.

– А?

– Держи, говорю, и ешь. Все готово.

С благодарностью приняла ужин, роль в приготовлении которого ограничилась моими потугами на помощь. Медленно начала отколупывать растрескавшуюся глину. Брок сел рядом, склонил голову набок.

– Лекса. – Толика внимания. Щепотка участия. Несколько крупинок задумчивости. Брок добавил нужные специи, чтобы придать своему голосу пряной остроты, заинтриговать. – Я наблюдал за тобой весь день.

Дракон смотрел пристально. Холод и беспристрастность

золота глаз, сжатые губы, прямые плечи.

– И никак не могу понять, откуда ты? Не простолюдинка: нет натруженных рук и мозолей. Не из знатного рода: для этого в тебе слишком мало спеси и ненависти к моему племени. Ты не лжешь, когда говоришь, что не знаешь здесь ничего, но в то же время язык подвешен хорошо, будто долго училась говорить то, что хочет услышать собеседник. Правда, не все уроки этой науки ты усвоила... – Он оборвал себя на полуслове, следя за моей реакцией.

Провокатор! Думал, начну возмущаться? Не на ту напал. Я лишь вопросительно изогнула бровь. Брок как ни в чем не бывало продолжил:

– Скорее всего, ты дочь знатного горожанина, не державшая в руках топора и не вымешивавшая тесто в кадлушке, но умеющая вышивать шелковые ленты.

– Не знаю. – Я тщательно замаскировала злорадство разочарованием и печалью.

– Значит, облегчить мне задачу не хочешь? – В голосе Брока сквозили вызов и азарт. Словно я была для него ребусом, который он вознамерился разгадать во что бы то ни стало.

Языки костра танцевали сальсу под вечерним зеленоватым сиянием небес. Вдалеке ухал филин, шепталась с ветром листва. Звуки ночи подкрадывались, кружили, еще не пугали, но настораживали.

Мне становилось все более неуютно в этом чуждом ми-

ре. Посмотрела в звездную высь. То ли облака, то ли далекие твердыни местами закрывали ее собою. Полная луна на небосводе, опоясанная розовым кольцом – еще одно напоминание, что здесь все не так, как на Земле.

Вопрос дракона остался без ответа. Впрочем, он его не особо ждал. Поднявшись, потянулся и широко зевнул. А потом подошел к ближайшей пушистой елке-шатру, чьи разлапистые ветви едва ли не мели землю, и сноровисто начал ломать лапник. Причем даже внушительные ветви трещали под его руками как зубочистки. Вот это силища!

За каких-то четверть часа ящер наломал две здоровенных охапки лапника и начал готовить себе лежанку, причем исключительно на одну персону. Впрочем, и мне дракон милостиво оставил своей зеленой колючей добычи, чтобы хватило на лежанку. А затем Брок демонстративно завалился спать.

Я же сидела, задумчиво глядя на огонь. Глаза буквально слипались. Но я все же пересилила себя: надо было просушить вещи, что вторые сутки прокисали у меня в поклаже. Не сказать что время оказалось совсем уж не властно над ними: водолазка успела не только высохнуть в форме сморщенного финика, но и основательно задубеть. Пришлось аккуратно ее распрямлять. От джинсов шел характерный душок.

Развесила свои вещи на нижних ветках и поняла: хоть режь, а третью ночь на дереве я не проведу. Потому по примеру дракона соорудила из остатков лапника некое подобие

ложа в паре метров от Брока.

– Хватит копошиться. Ложись давай, если сегодня у тебя нет желания изображать белку, – недовольным голосом отозвался дракон.

А я-то думала, он уже десятый сон видит, а оказалось – бдит. Легла на лапник: неудобным оказался каждый сантиметр. В тело что-то впивалось, мешало, кололо. Повернулась на бок. Потом на второй. На спину. И тут до слуха донесся вой.

Одинокая и полная отчаяния песнь зверя. Звучала она у черта на куличках, но страх имеет свойство сокращать расстояния. Зато бок Брока вдруг показался мне далеким.

Придвинула свою лежанку на полметра. Это нехитрое действие отчего-то успокоило мои нервы. Правда, ненадолго. Мне начали мерещиться шорохи в темноте, взгляды из кружева листвы... Моя постель приблизилась еще на полметра к спящему дракону.

Я улеглась, на этот раз в твердой уверенности: все. Мне больше ничего не угрожает. Но вдруг откуда-то донесся скрип, словно несмазанные дверные петли приветствовал сквозняк, и я настороженно замерла... Не выдержал Брок.

Он поднялся, подошел ко мне, все еще лежавшей на лапнике, и рывком подтянул его к себе:

– Так будет быстрее, и я смогу хотя бы выспаться, – пояснил он свои действия.

Между мною и драконом было расстояние в несколько ла-

донец, когда я, все еще изображавшая замороженного суслика, услышала ровное неглубокое дыхание Брока. Он спал.

Вместе с этим знанием и на меня снизошел сон. Измученный разум решил, что сверхурочная работа, да еще и в ночную смену – это уже слишком. Потому сновидений у меня не было.

Посреди ночи я проснулась то ли от стога, то ли от крика. Брок метался в кошмаре. Не знаю, что ему пригрезилось, но у меня при взгляде на дракона, который бился, словно в силках, и никак не мог проснуться, в глубине души родился безотчетный страх, из тех, что подкатывают к горлу тошнотой и бросают в панику. На спине выступил холодный пот, а сердце забилося настолько бешено и гулко, что пульс отдавался в ушах.

Я никогда до этого не видела, чтобы человека так скручивало, будто пронзало насквозь, заставляя тело выгибаться дугой от кошмара. Что же должен был пережить Брок, чтобы его прошлое, просочившееся сквозь пелену сна, выворачивало наизнанку и не отпускало, не давало проснуться?

Потрясла его за плечи, силясь разбудить. Не вышло. Зато сильные руки сжали меня настолько крепко, что еще немного – и затрещали бы ребра.

Я решила оказать первую помощь. Себе. Потому саданула дракона ногой. Метила в колено, но то ли у меня с анатомией не лады, то ли мишень попалась дюже верткая... Хотя эффекта я достигла – Брок ослабил хватку.

Вот только не могу поручиться, что после своей самоспасательной операции я не нанесла невосполнимый урон будущему поголовью драконов. Зато с точностью могу утверждать: нынешнюю популяцию попаданок отстояла с честью.

Брок охнул, распахнул глаза, и я увидела, как его зрачок из змеиноного перетекает в человеческий.

– Твою ж... за что? – только и выдохнул он сквозь зубы.

– Зато я защитила тебя. – Дракон все еще лежал подо мной, правда, уже перестал крутиться и изображать угря, наштигованного хреном и перцем.

– Защитила... – подозрительно начал Брок.

– Да. От твоих кошмаров. Ты вопил почище нашей верстальщицы Айзы Ооржак, которой принесли статью за час до сдачи номера в печать. А она, скажу тебе, сушая гарпия с луженой глоткой! – ляпнула я, вспомнив журналистскую бытность.

– Как орут гарпии-верстальщицы, я не слышал, но вот чарующую песнь могильной гарпии как-то довелось. – Шипение в голосе Брока неохотно уступало место досаде. – Знаешь, сначала она заманивала доверчивых путников на погост, а там нападала со спины, вгрызаясь в шею... Оттого не пойму, о каких ты воплях? Кстати, а что такое статья и зачем ее совать в печень?

– Сдавать в печать. – Я машинально поправила дракона и спохватилась: – Не увиливай! Ты так орал и метался, что мне жутко стало.

– Поэтому, чтобы тебе не было страшно, ты улеглась на меня сверху? – поддел ящер.

– Ни на кого я не... – начала и осеклась. Да эта рептилия форменно издевается!

Теперь я основательно разозлилась. А если учесть, что даже кровь во мне отрицательная, чего уж говорить о характере... В общем, дракон попал.

– Конечно. А еще решила воспользоваться случаем и твоей беспомощностью, чтобы над тобой надругаться.

Лицо Брока вытянулось от изумления, но меня уже понесло.

– Да, может, я, разузнав, что рядом со мной цельный ящеристый энг, сразу решила родить от него бастарда и занять обеспеченную жизнь на этой твоей твердыне. Надо-то всего ничего – забеременеть. И не важно, что через штаны и юбку. Ведь на каждом твоём головастике наверняка стоит знак качества, и по этой причине отцовство тебя подстерегает чуть ли не на любом углу. Так что да, на твою грудь я улеглась с единственной целью.

Всю эту тираду я выпалила оторопевшему Броку, у которого желание поддеть меня явно упало и закатилось за плинтус. Вообще заметила, что едва мужику напоминаешь о возможных последствиях его действий, которые через девять месяцев облачаются в памперсы, как даже у самых сильных и brutальных мачо сразу все падает.

– Пожалуй, все-таки прав был мой наставник, говоря, что

для собственного душевного равновесия с девой стоит быть тактичным всегда, – нашелся через минуту Брок.

– Тактичным – в смысле вовремя прикинувшемся слепым, глухим и вообще дураком? – невинно уточнила я. В душе все еще бушевала злость, находившая выход в ерничестве.

– Наставник выражался иначе, более многословно. Но общий смысл ты передала верно, – парировал дракон и, дрыгнув ногой, чуть сварливо предложил: – Может, ты с меня уже слезешь? А то, знаешь ли... – Он многозначительно замолчал.

Зато его выразительный взгляд сказал о многом.

Я тут же скатилась с Брока, а, оказавшись на земле, еще и отодвинулась подальше. Тоже мне, блюститель нравов. Интересно, он вообще не мерзнет там, на заснеженной вершине своих моральных устоев?

– Да нужен мне твой конец любви и два мешка воспоминаний! – буркнула себе под нос, но, как оказалось, у драконов отменный слух.

Уже севший на своей лежанке Брок упер руки в землю и, ничтоже сумняшеся, вернул мне издевку:

– А кто-то недавно как раз заверял, что нужен, даже о ба-стардах заикался. Вы непоследовательны, госпожа Лекса.

– Учусь у вас, господин дракон, – ответила в тон.

Брок, видимо, хотел мне на это что-то возразить, но лишь покачал головой и задумчиво посмотрел на угли прогорев-

шего костра.

Я тоже сидела, изображая тишину. Правда, недолго. Глаза сами собой начали закрываться. Плюнула на все и легла на свое место. Уже засыпая, услышала:

– Спасибо, что разбудила.

Да уж, долго же до него доходило. Или это затянулся бой между собственной совестью и ненавистью к людям?

– Не за что. Только в следующий раз не пытайся меня убить, бултыхаясь в своем кошмаре.

– То же самое могу сказать и о тебе. Пожалуйста, больше не буди меня столь оригинальным способом.

– Договорились. – Я пребывала сейчас в таком состоянии, что проще было согласиться с чем угодно, чтобы от тебя отстали, и наконец-таки заснуть. И заснула бы. Вот только женское любопытство, будь оно неладно, подняло голову с подушки в последний момент.

Я всегда люто ненавидела эту свою черту. Моя пытливость порой была настолько же невыносима, как хлебные крошки в постели: сколько ни ворочайся, а не уснешь, пока не разберешься с ними решительно и до конца.

– А что тебе снилось? – Я посмотрела снизу вверх.

Брок сидел, все так же глядя на уголья. Четко очерченный профиль, короткая косица, острый нос.

– Война. – Всего одно слово, в котором смешались в гремучий коктейль и злость, и боль, и отчаяние. – Но не думай. Я еще не путаю реальность и воспоминания. Хотя порой во

сне я заново переживаю то, чего уже не изменить. А просыпаюсь, лишь прожив очередной кошмар «от» и «до».

Брок замолчал, но потом сорвал травинку и, повертев ее в руках, произнес на выдохе:

– Сегодня первая ночь, когда кто-то смог меня разбудить. Я так и не досмотрел до конца свой сон-кошмар.

Дракон говорил тихо, спокойно, размеренно. Сейчас его плечи расслабились, спина выпрямилась. Будто мой провожатый скинул тяжкий груз. Он чуть склонил голову набок, словно аристократ на великосветском приеме, и последние отблески дышащих жаром красных углей, как дотошные дознаватели, высветили седую выбившуюся прядь, что днем пряталась в волосах дракона.

– Спасибо...

Благодарность была столь неожиданной, что я даже растерялась. А когда я теряюсь, сразу откуда-то возникает сарказм.

– Знаешь, я всегда считала, что помогать людям надо так, чтобы они в благодарность хотя бы не вредили, поэтому лучшим вариантом твоего «спасибо» будет дать мне выспаться. – И гордо повернулась на другой бок.

Я уплывала в сон. Звуки леса уже не казались такими страшными и пугающими, наоборот, нашептывали, будто колыбельную пели. Хотя, может, все оттого, что я знала – рядом сидит и не дремлет, бдит, думая о чем-то своем, дракон?

Вот только когда я, казалось бы, уже совсем ушла в страну

грез, послышалось шуршание, а потом чья-то сильная рука чуть подтащила меня к большому теплому боку. Меня словно спеленало коконом теплоты, уюта и заботы. И это – посреди дикого чуждого леса.

Мысль, что я все же сошла с ума, была на сегодня последней внятной. А потом... мне пригрезилась пятилетняя сестренка. Она объясняла, что гулять – это значит отталкиваться ногами от земли и рассекать личиком воздух. Я чувствовала себя счастливой в этом своем простом сне, который был родом из детства.

Утро встретило меня сонным колючим мужчиной, у которого явно прогрессировал собственнический инстинкт. Иначе как еще объяснить, что Брок не только притянул меня к своей груди, но еще и закинул для верности ногу на мое бедро, а его дыхание щекотало мне макушку.

Из этого двойного захвата я выползала ужом, чувствуя себя сапером на минном поле. Аккуратно, по миллиметру, отодвинула его руку от своей груди, медленно отвела драконову ходилку и уже было обрадованно поползла, как наглая ящерица лапа опять притиснула меня к себе.

Брок, к счастью, от моих маневров так и не проснулся.

Плюнула на тихушничество и во второй раз, скинув хваталку драконистого собственника, резко откатилась. Ящер недовольно заворочался, но вроде бы не проснулся.

– Этого не было. Ничего не было... – начала я сеанс самовнушения.

Брок недовольно заворочался. Я посмотрела на мирно спящего наглеца: ну чисто ребенок, у которого отобрали любимого плюшевого мишку.

Ранний рассветный час покрыл все окрест легкой дымкой тумана. Вокруг разлилась тишина. Но не такая, от которой звенит в ушах, вовсе нет. Она была объемной, наполненной едва уловимыми звуками, которые к полудню уже и не различишь за дневной суетой. Где-то трубили гордые лебеди, крякал хлопотливый утиный выводок...

Вчера усталость и пряный, сотканный из недавних переживаний воздух утаили от меня лесной секрет: наверняка совсем недалеко есть протока или озерцо. Иначе откуда взяться песням этих лапчатых?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.